

Ника Тин

ТОРЬКИЙ
ВКУС ВЕРЕСКА

КНИГА 1

18+

Ника Тин

Горький вкус вереска. Книга 1

<https://litres.ru/73832707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шотландия, XVI век. Жизнь Кеннета расписана на годы вперёд: служба королю, почёт и брак с подругой детства, очаровательной Кэтрин. Но одна случайная встреча с таинственной Антонией и роковое письмо превращают его упорядоченный мир в хаос. Так один благородный порыв может стоить жизни, а тайна — лишить всего. Желание помочь нечаянной попутчице оборачивается чередой неприятностей: он оказывается втянутым в заговор, наживает врага в лице доверенного королевы, а в итоге — запутывается в паутине лжи, сопровождавшей его всю сознательную жизнь. Чтобы вернуть право на любовь и титул, Кеннету предстоит выяснить, чья кровь течёт в его жилах. Но готов ли он услышать признание того, кто предпочёл вычеркнуть его из своей жизни?

Содержание

| | |
|---|-----|
| Пролог | 4 |
| 1 Глава. Попутчица | 7 |
| 2 Глава. Кэтрин | 30 |
| 3 Глава. Знакомство | 42 |
| 4 Глава. Письмо | 77 |
| 5 Глава. Что не делается, всё к лучшему | 101 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 121 |

Горький вкус вереска. Книга 1

Пролог

Май 1586 года. Англия

По извилистой дороге, прищпоривая коня и оставляя за собой завесу пыли, поднятой копытами животного, нёсся всадник.

Это был молодой человек лет двадцати, крепкий и широкоплечий, приятной внешности, с необыкновенным сиреневым цветом выразительных глаз и тёмными волнами волос. Он только что выехал из Кембриджа, по-видимому, сильно торопясь.

Сэр Кеннет Уэсли – так звали молодого человека. Его отец, Вильям Уэсли привёз маленького Кеннета на родину двадцать лет назад, и с горечью узнал, всё, что досталось ему от отца растрчено сестрой Изабеллой. Уходя в армию королевы Елизаветы, Вильям был уверен, что ему есть куда вернуться: у него был особняк и немного денег, оставленных ему в наследство от родителей. Но по возвращении ему открылась страшная правда: Изабелла пустила на ветер все сбережения брата и, покрыв своё имя позором, исчезла, спасаясь от преследования властей, оставив после себя только

дурную славу. Вильяму ничего другого не оставалось, как отправиться с сыном в Шотландию и просить помощи у родственников по материнской линии.

Ещё будучи ребёнком, Кеннет замечал глубокую печаль отца, но он не мог знать, чем вызвано это чувство. Кеннет никогда не видел своей матери, но отец часто рассказывал о ней, неустанно повторяя, что она была очень красива, добра и нежна. И так любить, как любила она не может никто другой. Отец каждый день твердил ему, как она боготворила своего сына, страстно и беззаветно, до самой смерти и Кеннет помнил об этом, ни на миг не забывая о той, кто подарила ему жизнь.

Отец приложил немало труда, чтобы улучшить их положение и обеспечить сыну достойное образование. Кеннету оставалось совсем немного, чтобы окончить университет, но недавно пришла весть о болезни отца, вынуждающая молодого человека, забыв обо всём, мчаться в Эдинбург.



1 Глава. Попутчица

С раннего утра небо выглядело чистым и ничто не предвещало грозы, но вдруг вдалеке раздался глухой раскат грома, и юноша, подняв взгляд, отметил, как быстро на небе сгущаются тучи. Стремясь найти укрытие до того, как разразится непогода, он сильнее пришпорил коня.

Яркая стрела молнии рассекла синее небо, и не успел Кеннет преодолеть и милю, как на землю упали первые капли. Так кстати, вдалеке выступили очертания постоянного двора, и молодой человек решил, что лучше устремиться к спасительному очагу, нежели прятаться под кронами деревьев, ища сомнительного укрытия от стихии.

Промокший насквозь и уставший путник, наконец, достиг приюта и, поручив своего коня заботам вышедшего ему навстречу помощнику трактирщика, шагнул внутрь. Мягкий свет ламп и тепло очага произвели на молодого человека хорошее впечатление. Народу оказалось совсем мало – трое посетителей, облюбовавших столик у дальней стены, были увлечены обедом и даже не взглянули на новоприбывшего. Не любивший излишнего внимания, Кеннет отметил это как добрый знак.

Лишь оказавшись у огня, с чашкой глинтвейна в руках, Кеннет смог выдохнуть спокойно. Его конь стоял в стойле и жевал овёс, а хозяин, расположившись удобнее за столом,

прикидывал, насколько его вынудит здесь задержаться этот проклятый дождь.

Таверна была маленьким пристанищем для странников. Небольшая гостиная с огромным камином, где сейчас грелся Кеннет, устроившись на длинной скамье; четыре дубовых стола, вокруг которых были расставлены табуреты, а справа от входа располагалась ведущая на второй этаж лестница. Здесь же, неподалёку, у окна была стойка трактирщика, где он по своему обыкновению поджидал клиентов.

И вот сейчас он вглядывался в даль, наблюдая, как прежде, неприметное тёмное пятно на дороге, приближаясь, приобретает очертания всадника. Но нет! Это всадница, смог рассмотреть он, когда она, придержав лошадь у самых ворот, спешно спрыгнула на землю. Незнакомка сама загнала кобылку под навес, умело и скоро привязала её к стойлу. Пробежав к крыльцу под непрекращающимся дождём, она остановилась. Наклонившись, подобрала подол грубого шерстяного одеяния и старательно выжала, прежде чем войти.

Колокольчик зазвонил, возвещая о госте, когда она появилась на пороге: дрожащая, промокшая до нитки, растерянная и бледная, вероятно, от усталости.

– Можно, я только немного согреюсь? – обронила она, обращаясь к хозяину таверны, и, не дожидаясь ответа, метнулась к огню.

Стянув мокрый бесформенный плащ, она бросила его на скамью, оставшись в таком же сером, неприглядном платье.

Хозяин только пожал плечами: «Пускай девчонка погрется», — решил он, удивлённый её появлением в своём заведении.

Присев на корточки у камина, она протянула озябшие руки к яркому огню, не обратив ни малейшего внимания на молодого человека поблизости, мечтая лишь скорее согреться. Всё-таки весна в Англии редко бывает тёплой и погожей.

Некоторое время Кеннет мог созерцать её напряжённый профиль: капли дождя, блестящие в её чёрных волосах, заплетённых в тугую косу, и дрожащие нежные губы. Невольно он залюбовался путницей и так увлёкся, что не сразу осознал: тёмные как ночь глаза в обрамлении бархатных ресниц под тонкими, изогнутыми бровями смотрят прямо на него.



Немыслимо! Но первая мысль, пришедшая в голову при виде незнакомки, была абсурдной! Ведьма! Обычная девушка не может иметь такой взгляд – взгляд, который способен ввести в искушение самого дьявола, не говоря уже о сильной половине человечества. Прежде чем молодой человек смог

совладать со смятением, в которое ввергли его эти глаза, она уже повернулась к огню. Какое-то время Кеннет продолжал смотреть на девушку, очарованный её яркой внешностью, такой необычной в этих холодных местах. Она произвела на него сильное впечатление: никогда ещё он не встречал таких красавиц. Однако девушка совсем продрогла, промокнув насквозь, и рисковала подхватить воспаление лёгких.

Неожиданно она услышала рядом его голос:

– Могу ли я обратиться к вам, миледи?

Он не заметил, как она вздрогнула от неожиданности, вероятно, потому, что её тело непрерывно бил озноб; лишь растерянный взгляд, обращённый к нему, выдал её смущение.

– Но... вы уже обратились, милорд, – помедлив, отозвалась она, чувствуя что его голос, мягкий, как бархат затронул тонкие струны души.

Кеннет ощущал себя неловко, оттого его тон был нерешительным.

– Верно... вы продрогли. Быть может, позвольте мне угостить вас глинтвейном? Он поможет согреться гораздо быстрее, – предложил Кеннет, протянув ей полную кружку горячего напитка, только что любезно поданную ему служанкой трактира.

Девушка мгновение смотрела в его глаза, потом на её губах расцвела улыбка, и она взяла протянутый ей глинтвейн. Прежде ей не доводилось пить подобного, но когда она пригубила напиток, то почувствовала, как её охватывает прият-

ное тепло.

– Вы так добры, милорд, – вновь смущённо взмахнув ресницами, пробормотала она и, откинув с щеки мокрую прядь, нерешительно добавила: – Меня зовут сестра... нет, – тут же отмахнулась она и заключила: – просто Антония.

– Моё имя Кеннет, Кеннет Уэсли Макдауэлл. Присаживайтесь, – добавил он, взглядом показав на скамью. – Поверьте, жара от очага достаточно, чтобы вы согрелись, не ютясь на полу.

Она искренне улыбнулась, смотря на него, и не преминула принять его предложение, устроившись на скамье.

«Вот он, простой, обычный человек! И такой вежливый и обходительный!»

– Я еду в Эдинбург, а вы?

– В Эдинбург?! Я тоже!

– Одна, в Эдинбург? – Кеннет не смог сдержать изумления, отразившегося на лице.

Повисла пауза. Антония, вероятно, впервые задумалась над этим абсурдным положением, в которое попала. А ведь прежде она не придавала значения тем возможным трудностям, что поджидали её в пути. Она действительно была одна, и ей во что бы то ни стало, нужно было попасть в Эдинбург.

Блеск её прелестных глаз померк на мгновение, но тут же вновь замерцал, когда она с самым невинным видом взглянула на собеседника, заявив:

– Я уверена, Бог послал вас, милорд Кеннет, чтобы вы помогли мне добраться до Эдинбурга.

– Значит, Бог... Ну, что же, если Бог действительно верил вас в мои руки, то я немедленно отправлю вас в комнату наверху и заставлю лечь в постель, так как с минуты на минуту вы начнёте чихать.

В ответ девушка засмеялась тихим и чарующим смехом. Вероятно, это глинтвейн так подействовал на неё.

С рассвета она не съела ни крошки, и вино быстро пьянило. Поучительный тон нового знакомого, которого она невольно сравнила с наставницей, сильно её позабавил. Его забота умиляла.

А ведь столько лет, как она находилась в доме Алисии Нодрдейл, обители для детей, чьи родители поспешили избавиться от неугодных чад, откупившись за их пребывание в пансионе звонкой монетой, ей только и твердили о том, что все люди за стеной злы и коварны. Этот приют отверженных, где жили несколько девушек и их наставниц, располагался неподалёку от Челмсфорда, на берегу реки в окружении дубовых рощ. Содержание воспитанниц оплачивалось тайными покровителями, но Антония догадывалась, что ими являются те самые родители, отвергнувшие своих детей, но желающие искупить этот грех перед высшими силами. Здесь девушки получали образование и вполне могли после достижения совершеннолетия избрать свой путь в гувернантки, если им не улыбнётся удача и какой-нибудь мелкий вельможа не

пожелает видеть одну из них хозяйкой своего состояния. Туда редко заглядывали посторонние, и то не для того, чтобы полюбезничать с воспитанницами. Поэтому внезапное внимание со стороны молодого человека несколько смутило девушку.

– Сэр Кеннет, вы так добры, но я не хочу обременять вас... настолько.

– Леди Антония, – полушутя, полусерьёзно начал он. – Если уж вы решились принять моё покровительство, то не следует возражать по мелочам.

Девушка бросила взгляд в окно, отметив, что там всё так же непрерывно льёт дождь.

– А вы? Вы тоже остаётесь?

– Да, разумеется, – кивнул он.

Кеннет понимал, что берёт на себя ненужные хлопоты, но поступить иначе он не мог. Он подозревал, что у девчонки совсем нет денег, а если и есть, то какие-нибудь крохи, иначе, она бы не преминула снять комнату и заказать ужин. Да и сама девушка – лёгкая добыча для негодяев, кишущих на дорогах. Да, он спешил, но решил, что в состоянии помочь, насколько это будет возможно.

Она смотрела прямо в его глаза, но он так и не смог прочесть в них то, что творилось в её мыслях. Видимо, придя к определённом заключению, она отрицательно покачала головой.

– Вы не волнуйтесь обо мне, я всё смогу вынести. И даже

этот ливень мне не помеха! – уверенно заявила она, гордо вздёрнув подбородок, но в следующий момент жалобно чихнула, прикрыв нос ладошкой.

Кеннет насмешливо взглянул на неё и кивнул. – Ну да... Я вижу, вы уже чихаете. Немедленно в постель, или завтра вы проведёте весь день здесь, а не в дороге.

– Милорд, а вы меня не обманете? – с подозрением взглянув на него, поинтересовалась она. – Не уедете без меня?

Неизвестно отчего у Кеннета появилось столь ярое желание сопровождать её в пути, но он, не задумываясь, ответил:

– Слово дворянина! Завтра утром мы отправимся вместе.

Лукавый блеск в глазах выдал её тайную радость. Прикусив губу, чтобы не вскрикнуть, ликуя, Антония заставила себя сдержанно улыбнуться. Кеннета ничуть не смущало странное поведение, он принимал её такой, какой она предстала перед ним. Приняв улыбку за согласие, он взял на себя все хлопоты по размещению, обратившись к хозяину.

– Милейший, найдутся ли две свободные комнаты для меня и для леди?

– Конечно, милорд. Всё к вашим услугам будет через несколько минут, – обрадованно воскликнул озадаченный таким поворотом дела хозяин постоялого двора, и послал мальчишку-слугу всё подготовить для ночлега.

Пока юноша беседовал с хозяином, Антония призадумалась о своём положении. О том, как ей несказанно повезло, что она встретила такого великодушного человека, как Кен-

нет Уэсли Макдауэлл. Ведь в действительности она совершенно не имела понятия, как добраться до Эдинбурга, и полагалась лишь на Божье провидение. Слухи о разбойниках на дорогах неоднократно лишали её уверенности в своём начинании, но сейчас, переборов страхи, она намеревалась довести задуманное дело до конца. Теперь же, когда она нашла защитника в лице этого доброго юноши, Антония чувствовала себя гораздо увереннее. Его предложение сопровождать, было принято ею с восторгом, но быть обузой она не желала. Она готова была оплачивать свои расходы сама, не принимая материальной помощи от кого бы то ни было. В её потайном кармашке хранилось несколько серебряных монет, которые она выкрала из секретера Алисии Нодрдейл. При воспоминании о своём деянии девушка глубоко вздохнула, надеясь, что Бог простит ей этот грех.

– Ну вот, леди, всё складывается как нельзя лучше, – возвестил Кеннет, возвращаясь к ней после разговора с трактирщиком. – Сейчас вы отправитесь наверх, в свою комнату, куда вам принесут ужин, а на рассвете я буду ждать вас здесь. Постарайтесь не проспать, – мягко улыбнулся он, отвлекая её от размышлений о Боге.

– Хорошо, – кивнула она, пристально глядя в его глаза.

Некоторое время он выдерживал её взгляд, затем спросил: – Почему вы так смотрите на меня?

– Просто вы очень странный человек, милорд Кеннет.

Он хотел поинтересоваться, в чём же его странность, но

ограничился банальной фразой.

– Приятных снов, леди Антония.

Ответив ему лёгкой улыбкой, девушка направилась наверх, вслед за сопровождающим её мальчиком-службой.

Кеннет провожал их заинтересованным взглядом до тех пор, пока она не скрылась в тёмном коридоре, ведущем к жилым комнатам. Он чувствовал её недоверие и, странным образом, испытывал по отношению к этой девушке сходное чувство. Она интриговала его, удивляла и завораживала одновременно. Было в ней нечто, что заставляло его оказать ей услугу.

А пока, помедлив, он пришёл к выводу, что и ему нужно как следует выспаться перед предстоящей дорогой; поэтому, наказав хозяину разбудить его на рассвете, Кеннет двинулся наверх, к своей комнате.

Оказавшись в постели, под тёплым одеялом, Антония задумалась о предстоящей поездке. Она до полуночи не могла сомкнуть глаз, непрерывно размышляя о неожиданном спутнике. Нет, она была не настолько наивна, чтобы довериться ему безоглядно, в её душе роились сомнения: вдруг он имеет на счёт неё какие-то грешные помыслы...

Она старалась гнать прочь от себя подобные мысли. Ей хотелось, чтобы всё было так, как ей представлялось, что сэр Кеннет – это оживший рыцарь времён короля Артура, а не какой-то проходимец, ищущий приключений. Нужно откинуть эти глупые сомнения, которые бередают душу и мешают

уснуть! К тому же у неё не такой большой выбор! Ей необходимо скорее попасть в Эдинбург, и кто, как не сэр Кеннет, поможет ей в этом? «Нужно верить в лучшее! – убеждала себя Антония. – Если никому не верить, то, как же жить?»

Едва забрезжил рассвет, как раздался настойчивый стук в дверь комнаты, буквально вырвавший её из объятий Морфея. Она вскочила с постели и, накинув на плечи одеяло, подбежала к двери. Её рука легла на засов, но так и не отомкнула его. Антония почти не сомневалась, что что по ту сторону — новый знакомый, но страх, что её могут преследовать из обители, лишал уверенности. Собравшись с духом, она настороженно спросила:

– Милорд, это вы?

– Да, леди. – Услышала она голос шотландца, позволивший ей облегчённо вздохнуть. – Вы готовы отправиться в путь?

– Да-да... я уже... Я буду готова через несколько минут, милорд, – воскликнула она и стала поспешно собираться в дорогу. Ей понадобилось немного времени, чтобы накинуть платье, заплести волосы в косу и, подхватив плащ, предстать перед ним, ожидающим у двери.

– Доброе утро, милорд Кеннет, – улыбаясь, прошебетала она.

Молодой человек отметил, что выглядит она гораздо бодрее, чем накануне.

– Рад видеть вас в здравии, – отозвался он, жестом предлагая пройти вперёд. – Я узнал, вы давеча вечером расплатились за ночлег. Не доверяете мне?

– Я доверяю вам, более чем. Согласившись сопровождать меня в Эдинбург, вы оказали мне неоценимую услугу. Я не знаю, что бы я делала, если бы не встретила вас. Всё остальное – только мелочи, не заслуживающие вашего внимания, милорд, – ворковала она, спускаясь по лестнице.

Кеннет шагал следом, отмечая, что её тон похож на щебет кокетки.

Они быстро миновали залу и остановились во дворе, где мальчишка уже держал под уздцы их осёдланных лошадей. Молодой человек помог ей взобраться в седло, а она всё продолжала беспечно болтать, рассыпаясь в благодарностях.

– Я и так в долгу перед вами, так что не переживайте по поводу моих затрат, – попросила она, капризно сморщив носик.

Юная дева и не подозревала, что своим мелодичным тоном и сверкающими огнём глазами вводит юношу в искушение. А может быть, это был спланированный ход? Кеннет заставил себя отвести взгляд от её лица и заняться своим конём, удивляясь, как она может быть такой волнующей. От подобных мыслей, овладевших им, Кеннет смутился и, предпочитая больше не заглядываться на неё, направил коня со двора, предложив Антонии поторопиться. Девушка пустила свою лошадку следом, стараясь не отставать.

Утро выдалось погожим, о вчерашнем ненастье напоминали только лишь обилие росы на пробивающейся траве, да лужи вдоль дороги. Прохладный ветерок, дующий с запада, заставлял девушку кутаться в плащ, но это ничуть не испортило ей впечатление о поездке. Она обожала утро: восход, когда солнце, всплывая из-за горизонта, бросало свои тёплые лучи на землю, пробуждая ото сна всё живое. Небо было чистым после грозы, и пушистые белые облака медленно плыли по голубой лазури.

Антония вдыхала свежий воздух полной грудью, и необъяснимый восторг овладевал ею при виде того великолепия, что сотворил Всевышний. Впервые она осознала, что значит свобода!

Они ехали уже час в полном молчании, и Антония не выдержала, воскликнув:

– Боже, как чудесно! Милорд, не правда ли, этот мир просто волшебен!

Кеннет взглянул на неё, встретив взгляд чёрных глаз, в которых отражался неподдельный восторг. Щёки девушки порозовели от удовольствия, а широкая улыбка очаровывала, обнажая два ряда белоснежных зубов. Отметив в очередной раз, что она слишком хороша, он снисходительно улыбнулся и заметил:

– Вы так счастливы, словно впервые дышите воздухом всласть. Вас не оскорбит моё любопытство, если я спрошу у вас о причине поездки в Эдинбург?

От него не ускользнула некоторая настороженность, мелькнувшая в её взгляде. Она явно сомневалась, говорить или нет, но, видимо, решившись, Антония ответила.

– Я еду к его величеству, королю шотландскому... но, милорд, пожалуйста, не спрашивайте меня, зачем.

Кеннету было очень любопытно узнать, что может связывать эту девушку и короля, но ему пришлось дать слово и не настаивать.

– Если вы желаете сохранить это в тайне, будь, по-вашему. А могу ли я спросить, почему вы путешествуете одна?

Антония прикусила губу, в нерешительности смотря на него. Конечно, она могла сочинить немало небылиц, но годы воспитания у Алисии Нодрдейл не позволили ей этого. Новый знакомый внушал ей доверие, и она решила сказать ему правду.

– Милорд, я сбежала из пансиона для сирот.

Кеннет, услышав её откровение, непроизвольно натянул поводья, заставив лошадь замедлить шаг и удивлённо приподняв бровь, переспросил:

– Сбежала? Из пансиона? – Его приятный смех располагал к искренности. – Моя леди, да вы сам дьявол!

– После двадцати лет заключения мне было просто необходимо взглянуть на этот свет. Я не могла больше оставаться в тех стенах, поверьте мне, милорд!

Отчего-то она выглядела возмущённой. Предполагая, что он осудит её за этот поступок, Антония намеревалась таким

образом защищаться.

– На мой взгляд, вы более чем решительны! Можно задать ещё один вопрос?

– Да.

– Как вы оказались там?

Антония помрачнела. Несколько мгновений она молчала, прежде чем сказать:

– Я думаю, что таким образом моя достопочтенная ма-тушка решила искупить свои грехи, отдав меня в жертву. Но, милорд, разве я должна отвечать за её грехи?!

Кеннет взглянул в её глазки, мечущие стрелы негодова-ния, и тихо ответил: – Для простого смертного это слишком тяжело. Но разве Христос умер не за наши грехи?

– Милорд, я не хочу быть заживо погребённой. Милорд, я хочу жить! Жить! Понимаете?

– Понимаю, – спокойно ответил он, снисходительно при-нимая её вспышки негодования. – И я полностью согласен с вами. То время, что нам отпущено на земле, нужно прожить, а не просуществовать. Вы удивительная девушка, Антония, в вас столько огня, и вы не похожи на девушек Кембриджа.

– Да?.. А какие они, девушки Кембриджа? – немного успо-коившись, заинтересовалась Антония.

Молодой человек призадумался, не зная, как доступнее описать ей два вида женщин, с которыми ему приходилось сталкиваться. Это девушки из высшего общества и курти-занки. Наконец, после недолгого раздумья, он ответил:

– Они не так искренни и непосредственны, не так милы и решительны, не так отважны, как вы. Этого достаточно, чтобы вы смогли составить о них представление?

– Милорд, похоже, вы мне просто льстите, – улыбнулась она.

– Ещё никто не упрекал меня в лести. И даже не подозревал, что одарён таким талантом, – усмехнулся он в ответ. – Так или иначе, но это явно не тот случай. Я искренен с вами, потому что соблазнять речами воспитанницу пансиона мне ещё не приходилось.

Антония настойчиво удерживала его взгляд, и от него не укрылось лёгкое раздражение в голосе, когда она бросила:

– Значит, милорд, вы не намерены меня соблазнять?.. Вот и превосходно!

Кеннет озадаченно взглянул на спутницу. Ему показалось, или в её тоне прозвучало недовольство?

– Я не хотел оскорбить ваше самолюбие, леди.

– Ну что вы?! – мило улыбнулась она в ответ. – Вы сама любезность, милорд.

Антония старалась взять себя в руки. Она не понимала, почему его слова так задели её, почему она цепляется к его фразе. Она обязана ему уже тем, что он согласился сопровождать её, и он вовсе не должен восхищаться ею. Девушка оборвала себя: «Что за мысли?!»

Её натянутая улыбка не могла его обмануть, было очевидно, что она разозлилась. Кеннету это уже начинало казаться

смешным. Да уж, воспитанница пансиона, где их готовят к покорной степенной жизни. Интересно, как бы она заговорила, предприми он какие-либо уловки к сближению. За подобные мысли он попросил прощения у бога и ответил ей:

– Постараюсь и впредь не разочаровывать вас, миледи.

Дальнейший путь они продолжали в полном молчании. Каждый из них был погружён в свои мысли и, казалось, позабыл о спутнике.

Антония задумалась о будущем. Сумеет ли она изменить его к лучшему? Да и что сподвигло её на побег? Она чувствовала, что задыхается в тех холодных стенах.

Долгие годы она пыталась убедить себя, что выучится и станет в будущем гувернанткой, войдёт в какой-нибудь приличный дом, чтобы воспитывать юных леди. Она искренне пыталась принять судьбу, что это её предназначение, но каждый раз понимала, что обманывает не только себя, но и Творца. Она не чувствовала в себе этого призвания: её кровь была слишком горяча, а сердце – слишком страстно. Антония понимала, что никому, кроме Господа, она не нужна, ей нет места в этом грешном мире за стенами пансиона, и потому ей лучше будет остаться там; не бередить прошлое и не беспокоить будущее, но сердце её желало иного. Она не хотела верить, что жизнь дана ей только лишь для того, чтобы она провела её в бесконечных заботах о чужих детях.

Ей было известно, что рождена она в грехе. Незаконно-рождённая! Этот факт тяжёлым камнем лежал на её душе.

Мать избавилась от неё сразу после рождения, скрыв ото всех факт появления малышки на свет. И, как будто бросая вызов этому миру, ей хотелось закричать: «Я есть! Я живу! Вот я! Я всё могу, я такая же, как вы!»

Почему ей суждено стать гувернанткой или воспитательницей?

Почему она вынуждена исполнять чужую волю? Почему она должна обманывать Господа? Ведь ложь – это и есть грех!

Неужели матушка, в самом деле, верит, что так испулит свои грехи? Как глупо! А может, мать просто пыталась скрыть свой порок от людей? Она ведь была знатной госпожой, её семья настолько известна и влиятельна, что Антонии там просто не место.

Антония чувствовала, что никогда не будет признана в обществе. А рискни она вдруг, заявив о себе, её бы тут же ждала неудача. Никто не поверит ей. Она была почти уверена, что даже её родная мать, не задумываясь, отреклась бы от неё, лишь бы избежать клейма позора.

Поэтому Антония и бежала из Англии. В Шотландии она тоже не искала спасения, скорее всего, ей придётся покинуть остров, но это, если у неё всё получится. Сейчас она очень рискует, отважившись на побег, но у неё были грандиозные планы, обещающие ей светлое будущее в случае удачи.

Антония знала лишь одно: этим миром правят деньги. И вот сейчас она пыталась их добыть. Они ей нужны на первое

время, чтобы найти отца. Единственное, что она знала о нём, это его имя. Девушка была уверена – он не догадывался о её существовании, но надеялась, что в этом мире у неё будет хоть одна-единственная кровиночка. Быть может, она нужна ему? Может, он полюбит её, и его семья не будет столь жестока к ней?

Вероятно, рассчитывать на это было глупо, но она верила, что иметь хоть какую-то цель в жизни и стремиться к ней намного интереснее, чем похоронить себя в пансионе, посвятив всю свою жизнь скучному и однообразному занятию, такому как воспитание благородных девиц.

Её взгляд упал на маленький потайной кармашек в юбке, там лежало письмо. Сейчас этот лист бумаги был для неё ценнее всего, ведь от него зависело её будущее.

Она содрогнулась, вспоминая, как решилась на этот поступок. Какая же она всё-таки гадкая и мерзкая! Она недостойна прощения, и Бог больше не примет её молитв. Она совершила кражу – стащила письмо. Корила она себя в мыслях, но это самобичевание было минутным; через секунду она уже не сомневалась, что поступает правильно. Ей выпала возможность, быть может, спасти человека, и не просто, а самого короля, который с Божьей милостью правил Шотландией.

Антония вспомнила, как совершенно невольно услышала обрывки фраз, брошенных в отчаянии женщиной, остановившейся на ночь в приюте. Она выглядела нездоровой,

но даже при неестественной бледности лица была очень красива. Незнакомка едва держалась на ногах, а к утру у неё случилась лихорадка. Она начала бредить: из её сбивчивых фраз, обращённых к Богу, Антония поняла, что знакомка, вероятно, сильно любила короля.

Спустя сутки жар спал, леди пришла в сознание и в присутствии хозяйки приюта вручила Антонии письмо, повелев отнести его срочно в город и передать связному, чтобы тот незамедлительно доставил его некоему господину в Лондоне. На конверте значилось его имя. Внутренний голос и интуиция подсказывали Антонии, что возможно, у неё есть шанс узнать что-то важное, шанс, наконец, повлиять на свою судьбу. Она осмелилась вскрыть письмо и прочесть содержимое. Интуиция её не подвела.

Антония искоса взглянула на своего спутника. Интересно, ему можно доверять? Быть может, зря она рассказала ему о побеге? Но тут же смахнув с щеки выбившийся локон, девушка улыбнулась.

«У него глаза ласковые, и держится он учтиво, как подобает истинному лорду», – подумала Антония. Похоже, ей повезло! – «Добрый знак», – вынесла решение она, и с лёгким сердцем продолжила путь.

Вскоре на горизонте, между ветвями цветущих деревьев, растущих вдоль дороги, показалась городская стена. Через каких-нибудь десять-пятнадцать минут им предстояло вступить в Ноттингем.

– Милорд, нам придётся ехать через город?

– Мы должны подкрепить силы и дать лошадям отдых, после чего двинемся дальше.

Антония согласилась с ним, и вскоре они заехали на гостиный двор. Пока Кеннет занимался лошадьми и обедом, Антонии представилась возможность зайти в товарную лавку рядом. Понимая, что, вероятнее всего, её будут искать, она решила сменить образ. К счастью, в кармашке ещё оставались несколько монет, часть из которых она решила пожертвовать на новый наряд. Преодолевая неловкость, она выбрала себе скромное платье, удобное для верховой езды. Торговка с подозрением окинула её взглядом, но, тем не менее, услужливо предоставила ей возможность переодеться и привести себя в порядок.

Кеннет ожидал её уже за столом в большом зале, где, кроме них, были ещё посетители. Девушка вошла, чувствуя себя очень неуютно в новом облачении. Казалось, оно сковывает движения и выглядит неприлично, несмотря на то, что платье было более чем скромным. Тёмно-синее сукно ладно облегло её фигуру, оно было тёплым с длинными рукавами, и лишь неглубокий вырез на груди заставлял её чувствовать себя смущённо. По совету торговки Антония убрала волосы в сетку и теперь выглядела достойно настоящей леди. Её грация была природной, и пока она «плыла» к столику Кеннета, не один мужской взгляд невольно коснулся её.

Молодой человек поднялся навстречу, галантно подвигая

стул. Она не переставала его удивлять. Как он и предполагал, её образ вмиг преобразился.

– Теперь мне нужно быть вдвое осторожнее, ведь ни один мужчина не пройдёт мимо, не задержав на вас взгляд.

– Милорд, вы, кажется, сотканы из одних комплиментов, – чуть улыбнулась она, присаживаясь.

– Прошу простить меня, леди, если я оскорбил вас своими словами. – Он, устроился напротив. – Я лишь высказал опасение относительно того воздействия, которое невольно оказывает на окружающих ваша персона.

– Опасения? Надеюсь, вы не раздумываете бросить меня и отправиться в одиночестве?

– Как могло подобное прийти вам в голову?! – воскликнул юноша, оскорблённый её подозрениями. – Принимайтесь скорее за обед, мы должны выехать через четверть часа. Я спешу и не хочу задерживаться.

Антония не стала больше провоцировать его, она видела, что он действительно торопится. Да и ей время было дорого.

2 Глава. Кэтрин

Позднее утро, пропитанное солнечным светом, настойчиво пыталось пробудить юную Кэтрин, будоража её обоняние ароматом свежей выпечки, доносившимся с кухни. Сквозь распахнутое окно врывался прохладный ветерок, принося с собой шум и гам, царившие во дворе, но девушка зарылась с головой в спасительные многочисленные мягкие подушки и покрывала. Раскинувшись на широкой кровати под пологом, она сладко дремала, по своему обыкновению проспав восход. Накануне она вновь зачиталась любовной лирикой, настолько, что у неё уже не хватило сил убрать книгу на стол; она так и лежала с ней рядом, раскрытая, а ветер шелестел страничками. На прикроватной тумбе в изящном серебряном канделябре оставались лишь огарки свечей, спалённых до основания.

Даже настойчивый стук горничной не возымел должного действия, а окрик: «Леди Кейт!» остался без ответа.

Девушка шевельнулась, лениво свесив ручку с постели, совершенно не реагируя на то, что в комнату заглянула горничная, держа в руках кувшин с водой и чистое полотенце.

– Леди Кэтрин, день на дворе.

Не дождавшись ответа, горничная поставила кувшин на столе, рядом с медной чашей для омовения и, перекинув полотенце через спинку высокого стула, принялась собирать

разбросанные по мягкому ковру, устилающему пол, декоративные подушечки. Видимо, эта суета всё же вынудила девушку высунуться из-под простыней, молчаливо наблюдая за проворными движениями служанки.

Очаровательная юная леди с живым взглядом ореховых глаз и милыми ямочками на щеках. Скорчив недовольную гримасу, она сладко потянулась, с удовольствием замурчав, когда на мгновение застыла в этой позе, чувствуя, как все мышцы приятно заиграли. А в следующий миг, заслышав со двора очередной боевой мальчишеский клич, резво соскочила с кровати и, как была в ночной просторной сорочке, кинулась к окну, перевесившись через подоконник.



Прямо перед парадным крыльцом двое подростков отчаянно фехтовали на деревянных мечах. Взмокшие от пота, чумазые от пыли, но такие счастливые от сознания своего могущества, они вызывали умиление. Кэтрин со всевозрастающим интересом наблюдала, как они ловко сражаются, и этот

азарт передался ей. В груди всё закипело, забушевало в желании показать им, как надо сражаться!

Нетерпеливо она метнулась к столу с чашей, протянув ладошки, ожидая, пока служанка оставит прибирать постель и сольёт ей из кувшина чистой воды. Наспех умывшись, Кэтрин схватила полотенце.

– Анна, родители ещё не вернулись?

– Нет, миледи.

Это сообщение ничуть не расстроило Кэтрин, напротив, в отсутствие родителей она чувствовала себя полновластной хозяйкой, и главное ей никто ничего не мог запретить. От этой мысли она даже зарделась от удовольствия.

После того как промокнула лицо, Кэтрин небрежно отбросила полотенце так, что Анна едва успела его поймать, и устроилась на стульчике перед туалетным столиком, придиричиво оглядывая своё отражение в овальной глади зеркала.

Что ни говори, но магия юности позволяет выглядеть всегда прелестно, даже если ты проспала всю ночь, уткнувшись лицом в подушку. Чистая нежная кожа со здоровым румянцем на щёчках, гладкая, как фарфор, сияла здоровьем, а пухлые губки были неестественно красными, будто их только что натёрли свёклой. Светло-каштановые волосы, слегка взъерошенные, крупными волнами спадали на плечи, струясь по спине. Конечно, она могла и так выскочить на улицу, но кто-нибудь из челяди непременно донесёт о её неряшливости отцу и тогда придётся опять выслушать его неприят-

нейшую речь, поэтому Кэтрин со вздохом сожаления, принялась расчёсываться.

– Анна, подай платье.

Пока Кэтрин наспех заплетала ленту в волосы, Анна, сняв с ширмы скромное платье цвета охры, продемонстрировала его.

– Годится, – отмахнулась Кэтрин, желая лишь одного: успеть к разгару битвы, разыгравшейся внизу. – От сэра Кеннета нет известий?

– Увы, миледи.

– Уж сегодня он точно приедет, вот увидишь!

– Если на то будет Божья воля, миледи.

– Какая же ты зануда, – проворчала Кэтрин, торопливо бросив гребень на столик, и словно пружина, подскочив на стуле, предстала перед Анной, спешно развязывая тесёмки ночной сорочки на груди.

Пока Анна затягивала ей корсет, Кэтрин пыталась обуть кожаные башмачки. Из-за того, что она всё время нагибалась поправить шнуровку, овивавшую щиколотки, служанке приходилось то и дело прерываться. Со стороны это выглядело более чем комично, но Кэтрин лишь сердилась из-за задержки. И едва Анна отступила, девушка пулей выскочила из комнаты.

– Леди Кейт, а обед?

Но Кэтрин уже не слушала её. Она словно ураган пронеслась по коридору и, перепрыгивая через две ступени, пре-

одолела лестницу, свернув в сторону кухни. Сейчас, когда родителей не было дома, не имело смысла тратить время на чинные застолья в трапезной – всё было гораздо проще, например, заскочить на кухню и схватить румяную булочку прямоком с противня, запив парным молоком из глиняного кувшина. Не первый день она наслаждалась своеобразной свободой, и повара уже не удивлялись её вторжениям в своё царство.

Она юрко лавировала между кухаркой и её помощниками, снующими у пылающего очага, над которыми в котлах готовились яства. Господа должны были пожаловать со дня на день, и негоже, если их приезд омрачится пустым столом. Ну а Кэтрин? Ей было совершенно безразлично, какой суп кипит на огне и с чем ныне подают бекон. Выхватив из-под руки поварёнка морковку, она задорно рассмеялась и пустилась наутёк к распахнутой настежь двери, ведущей во двор, не обращая внимания на отчаянные попытки полнотелой кухарки дозваться её.

– Леди Кэтрин! Обед почти готов!

Фраза так и повисла в воздухе, застыв между ароматами ванили и жгучего перца, наполнявшими кухонные своды.

Выскочив наружу, Кэтрин на миг ослепла от сияющего солнца, вынужденно прикрывая глаза рукой, чтобы рассмотреть, как два подростка, приходящиеся кухарке сыновьями тринадцати и четырнадцати лет от роду, ловко орудуют самодельными деревянными мечами. Оба стройные и крепкие,

не пошедшие фигурой в мать, рыжеволосые с чудными веснушками на лице, но с яростным огнём в зелёных глазах, они, как два задравшихся петуха с криками бросались друг на друга. Того и гляди, скоро сцепятся не в шутку, а всерьёз.

Сунув морковку, украденную со стола, в кармашек платья, Кэтрин с готовностью бросилась в гущу событий, как раз вовремя, чтобы подхватить клинок, выбитый из рук соперника одним из братьев.

Появление наследницы замка никого не смутило, словно по написанному, проигравший мальчишка отступил, а второй, не растерявшись, стал наносить череду ударов, от которых девушка ловко увилвала парируя. Эта игра забавляла и увлекала Кэтрин. Она с азартом взирала в смеющиеся глаза противника, нанося ответные удары. И всё бы ничего, но подол юбки сильно стеснял движения, и это её сердило. Похоже, это было слишком заметно, потому что мальчишка не преминул подшутить над ней.

– Доброе утро, миледи! Хотя, пожалуй, добрый день! Вы сегодня припозднились. Так и принца проспите.

– Кто много болтает, тот долго не живёт! – возразила она, не сбавляя темпа, очень желая проучить наглеца.

Неожиданно мальчишка провёл обманный выпад, и Кэтрин едва успела отскочить: остриё меча замерло у кончика её носа, вынудив свести взгляд на эту точку. Этого мгновения хватило ей, чтобы собраться с силами и отбить направленный прямо в лицо клинок, после чего, совершив ловкий

пируэт, она прижала оружие к шее противника.

– Сдавайтесь, сударь, или я отсеку вашу болтливую голову, – не без пафоса заявила она, гордо вскинув подбородок, наслаждаясь своим триумфом.

Тяжело дыша, они смотрели друг на друга. Долго, мучительно тянулись секунды, и вот мальчишка выдохнул, дав Кэтрин понять, что смирился с поражением, но вслух не вымолвил признания.

Она заметила, как изменился его взгляд, брошенный поверх её головы: он будто зацепился за что-то, а в следующее мгновение мальчик воскликнул:

– Сэр Кеннет!

Это подействовало на Кэтрин молниеносно, она резко развернулась, ища взглядом Кеннета, но, увы, открытые настежь ворота были пусты. Слишком поздно она поняла, что это была лишь уловка, вынудившая её потерять бдительность, когда, пользуясь её замешательством, мальчишка нагло шлёпнул её плашмя по мягкому месту, смеясь.

Чувствуя, как обида вскипает в ней горячей лавиной от сознания, что её провели, Кэтрин повернулась к негоднику с явным намерением воздать ему по заслугам, но тот ловко отскочил от разящего удара. Это вызвало в ней ярость. Сжав губы до посинения, она вновь бросилась на обидчика, но он молниеносно поставил защиту, и они сошлись нос к носу в клинче. Она старалась изо всех сил устоять на месте, но он был сильнее, и Кэтрин чувствовала, как под натиском её ноги

заскользили по каменной мостовой. Упрямыство – её натура. Не желая сдаваться, она, собрав все силы, бросилась вперёд, отталкивая соперника от себя.

– Ах вы, лодыри! – раздался возмущённый возглас мамыши-кухарки. Заслонив собой дверной проём, она грозила ко-чергой. – Опять без дела шатаетесь! Вот щас я задам вам! Стоило его милости уехать, так вы бездельничать вздумали! Ну, погодите!

Грузно переваливаясь с ноги на ногу, она двинулась на них. Кэтрин, едва сохраняя равновесие, отступила, чувствуя, как капли пота, выступившие на лбу во время схватки, противно скользят, накатываясь на ресницы.

Вмешательство мамыши дало ей шанс отдышаться, в то время как мальчишки, поняв, что «запахло жареным», бросились врассыпную, едва Кэтрин успела метнуть оружие его владельцу — второму сорванцу. Босота шустро ретировалась, так что и след простыл, лишь бы не быть привлечёнными к труду.

Пытаясь отдышаться, Кэтрин утёрла пот с лица рукавом.

– Леди Кэтрин, опять вы за своё! Его милость будет негодовать! – сетовала кухарка, качая головой.

– Ничего не будет, если ты не станешь болтать! – отозвалась она, и, более не обращая внимания на причитания при-служки, помчалась на конюшню, расположенную в стороне от замка.

Теперь ей было необходимо взбодриться, глотнуть свеже-

го воздуха. Она лично взнуздавала своего серого жеребца и, с лёгкостью вскочив в седло, направила коня прочь. Едва выехав из конюшни, она пустила его в кентер, вынудив стражу у ворот расступиться, пропуская.

Вырвавшись на волю, она позволила животному перейти в карьер.

Уверенно взмывая на холм, конь так же легко спускался в низину, подминая копытами дикие нарциссы, покрывавшие жёлтым ковром раскинувшиеся просторы. Как же отрадно было скакать по зеленеющим лугам меж кристальных озёр!

Ветер разметал её волосы, и теперь они развевались при каждом его дуновении. Легко и уверенно она повернула коня к границе, туда, откуда должен прибыть долгожданный гость. А вот и холм, с которого открывается прекрасный вид на дорогу у приграничной полосы. Натянув поводья, Кэтрин заставила жеребца остановиться на вершине, бросив взгляд на пустынный тракт.

Спешившись, Кэтрин уселась прямо на молодую траву, вдыхая горьковато-сладкий аромат полевых цветов, позволяя своему коню немного отдохнуть и полакомиться зеленью.

Уже который день она является сюда, чтобы встретить его первой, но каждый раз приходилось возвращаться ни с чем. Но сегодня она точно знала: всё будет по-другому.

Кэтрин скучала. Она так привыкла к тому, что он всегда рядом, до тех пор, как дядя Вильям не отправил его получать

образование. С тех пор визиты Кеннета стали реже, и он как будто отдалился от неё, но она всё равно ждала его, ждала и верила, что расстояние – не помеха их чувствам.

Сильный и добрый, он был её надеждой, её героем. В том, что у них сложится дружная семья, Кэтрин даже не сомневалась, ведь родители благоволили к Кеннету, а он казался надёжным. Осталось ждать чуть-чуть. Этой осенью, в день его совершеннолетия, объявят о дате свадьбы. Кэтрин гнала время, чтобы поскорее исполнилась её заветная мечта. И вот сейчас, глядя на пустынную дорогу, она в мыслях рисовала картины счастливого будущего с человеком, которому могла доверить саму жизнь.

Каждый раз, когда на горизонте возникала точка, она поднималась, напряжённо вглядываясь вдаль, и с замиранием сердца ждала, что вот через несколько минут это пятно примет вполне реальные очертания, и она узнает в облике путника своего любимого друга. Но всякий раз это оказывался чужак, одинокий странник или даже небольшой обоз, держащий путь мимо холма, где у можжевельных зарослей устроила себе место наблюдения юная Кэтрин.

Солнце быстро клонилось к закату, и ждать становилось утомительно, да и под ложечкой засосало от голода. Она вспомнила о морковке, выудив её из кармашка. Но не успела она откусить и кусочка, как почувствовала, как конь тычется в её плечо носом, выпрашивая лакомство. Делать было нечего. Улыбнувшись, она уступила верному коню, лас-

ково погладив его морду, наблюдая, как он смачно хрустит угощением.

Неторопливо она поднялась, бросив последний взгляд на убегающую вдаль безлюдную дорогу, и взлетев на коня, повернула домой.

3 Глава. Знакомство

Их путь длился уже три дня, до цели оставалось совсем немного. Солнце стояло высоко, и день был на удивление тёплым. Молодые люди решили сделать привал в тени раскидистых дубов, на свежей зелёной траве. Кеннет расстелил покрывало и достал приготовленный заранее обед.

Антония присела рядом.

– Милорд, я, наверное, сильно задерживаю вас... только не говорите, что это вовсе не так. Куда вы так спешите? Очень важное дело?

– Меня ждут дома. Отец болен, но я надеюсь, всё обойдётся.

– Вы живете в Эдинбурге?

– Не в самом городе. В его окрестностях имение моей тётушки. А вы держите путь в столицу Шотландии?

– Да.

– Я не обижу вас, если спрошу, где вы намерены остановиться.

– Я не думала об этом. Я не знаю.

– Вы не должны быть так легкомысленны, – покачал Кеннет головой, поражаясь такой беспечности.

– Но, что же мне делать? Я думаю, что удастся найти выход. Я преследую только одну цель, на неё и надеюсь, не задумываясь о возможных неудобствах. Да и времени не было.

Мы уже скоро приедем, да?

– Скоро, – кивнул он и добавил, протягивая ей хлеб с сыром. – А теперь ешьте. Не забывайте, что мы под открытым небом, и нам предстоит ещё нелёгкий путь. А потом вы мне расскажете о себе поподробнее.

Она откусила кусочек и с любопытством взглянула на путника. Рассказать о себе? Да что ей можно о себе рассказать? Это так скучно! А вот узнать о нём ей было интересно.

– Мне нравится с вами, милорд. Знаете, даже в пансионе не так спокойно, как с вами, – призналась она, на этот раз, не смотря в его лицо. Её взор был устремлён за горизонт.

Кеннет слегка улыбнулся её словам, с интересом разглядывая точёный девичий профиль.

– Вы получили хорошее образование?

– Письмо, латынь, древнегреческий, вышивка, кружева, шитьё, составление лекарственных снадобий, от которых иногда кружится голова, и начинаешь чувствовать себя ведьмой, – засмеялась она. – Это можно назвать образованием?

– Вполне, – ответил он, слегка улыбаясь. – А музыка, поэзия, языки?

– Музыка... мне близка только арфа. Французский мне знаком так же хорошо, как и латынь. А поэзии у нас уделялось особое внимание.

– Уверен, вы знакомы с творчеством великих людей: «Комедия» Данте, «Илиада» Гомера, «Торрисмондо» Тассо, «Декамерон» Боккаччо, «Песнь о Роланде».

Антония похлопала ресницами и кивнула. Он нарочно сейчас говорит об этом, чтобы проверить её, или кичится своими познаниями в литературе?

Кеннет слегка улыбнулся, наблюдая за девушкой, и предположил.

– Быть может, вы согласились бы обучать мою кухню тому, что знаете сами? Живя в замке, вы бы имели возможность посещать библиотеку и расширять свои познания.

Девушка ненадолго задумалась. Заманчиво. Нет, не библиотека, а то, что она сможет жить иначе.

– У вас есть кухня? А вдруг она уже всё умеет делать, или у неё есть другая учительница?

– Когда я видел её последний раз, все её умения заключались в навыках ездить верхом и метко стрелять. В ней не было и намёка на женственность. Я хочу, чтобы моя будущая жена была образованной леди, а не солдатом. Кэтрин юна, и я думаю, ещё есть время привить в ней тягу к знаниям.

– Она... Вы хотите на ней жениться? – её и без того огромные глаза стали ещё больше.

Не обращая внимания на удивление спутницы, он продолжал.

– Это было решено десять лет назад, и я воспринял это как должное. Думаю, это случится года через два. Она милая девушка и должна вам понравиться.

– Я думаю, что в этом случае не мне выбирать, а, напротив, я могу ей не понравиться.

– Ну, я не думаю, что вы окажетесь правы. Уверен, она встретит вас с радостью.

– Если так, то я с удовольствием приму ваше предложение, милорд.

– Мне приятно, что вы согласны, – сказал Кеннет, улыбаясь, и слегка сжал её ладошку, лежащую рядом на покрывале. – Приятно иметь с вами дело. Значит, решено: по пути мы заедем к Кэтрин, и я представлю вас своим родственникам. Не возражаете?

– Нет, – слегка улыбнулась она, на самом деле ощутив лёгкий холодок страха перед неизвестным будущим и встречей, которая многое может решить в её жизни.

Кеннет всё ещё держал её ладонь в руке, отмечая красоту и изящество нежных тёплых пальчиков, но выразить вслух своё восхищение побоялся. Кто знает, как отреагирует она на его комплимент. Наконец, он отпустил её и взглянул на небо.

Ему показалось или, и в самом деле на руку упала капля? Тяжёлые, свинцовые тучи сгустились над их головами, скрывая солнечные лучи.

– Пора в путь, миледи.

Не успели они проехать и милю, как дождь полил как из ведра. Кеннет буркнул себе под нос ругательство и взглянул на девушку, отметив, что как бы она ни старалась выглядеть сильной, её измождённый вид говорил за неё. Юноша догадывался, что непогода лишит её последних сил, но выбора

у них не было, им надлежало продолжить путь. Лишь спустя несколько часов, когда уже смеркалось, они добрались до постоянного двора. Промокшие, уставшие и голодные, они вошли в залу, надеясь получить здесь кров и ужин. К сожалению, свободных комнат не оказалось, и им пришлось довольствоваться скамьёй у огня, так как воспользоваться местом на чердаке показалось Кеннету ниже его достоинства. Антония тоже отказалась от постели из соломы, решив не оставлять без присмотра своего провожатого. Как ни старалась она верить ему безоглядно, не могла не усомниться, что ему вздумается оставить её здесь и отправиться в путь самому.

Поужинав, они расположились ближе к огню, чтобы согреться и подсушить намокшую одежду. Попивая горячее вино, они сидели на скамье, любуясь безумной пляской огня, наслаждаясь потрескиванием горящих брёвен, убаюкивающим и успокаивающим. После долгого пути сказывалась усталость, и невольно охватывала дремота даже от пары глотков спиртного. Они так утомились, что не хотелось говорить.

В какой-то момент Кеннет почувствовал, как Антония склонила голову ему на плечо, засыпая. Он привлёк её ближе, позволяя устроиться поудобнее в его объятиях, и ласково улыбнулся, смотря в её личико, совсем ещё юное. Он мягко провёл пальцем по бархатной щёчке девушки, но тут же замер. Что он делает?! Совсем забылся! Юноша заставил себя перевести взгляд на огонь, и вскоре его мысли обратились к

отцу.

С недавних пор Вильям часто болел, сказывались раны, полученные в боях, они беспокоили его всё чаще. Климат Шотландии не шёл ему на пользу, но он упорно отказывался покинуть эту страну, а воспоминания о своём прошлом претили его возвращению в Англию.

Кеннет молил Бога, чтобы его отец и на этот раз выбрался. Ведь без него он останется один, несмотря на многочисленных родственников. Его тётушка, старая дева, завещала ему свой замок, а службой королю он мог снискать себе титул, но всё это казалось совсем не нужным и бесполезным, если рядом не будет самого дорогого в жизни человека, человека, который стал идиолом. Будущее Кеннета вырисовывалось ярко и безоблачно: ему предстояло вступить во владение огромным замком и жениться на наследнице хорошего состояния, после окончания университета он вступит на службу к королю и присягнёт ему на верность. Всё складывалось замечательно, но какое-то нехорошее предчувствие закралось в душу и тревожило. Он так и не сомкнул глаз.

Когда утром Антония пробудилась и увидела перед собой лицо Кеннета, разглядывающего её, она на миг замешкалась, вспоминая события прошлого вечера.

– Милорд... – прошептала она смущённо, понимая, что всю ночь она провела в его объятиях.

Кеннет приветливо улыбнулся ей.

– Вы слишком устали вчера и задремали. Я взял на себя

смелость обеспечить вам более комфортный отдых.

– А вы? Вы разве не спали? Совсем?

– Пустяки, когда приедем, у меня будет достаточно времени для этого.

Антония растрогалась. Слов благодарности, чтобы выразить её, было мало, и потому она легко коснулась его щеки губами. Так могла поцеловать сестра брата, и тем не менее её поступок несколько сбил Кеннета с толку.

Воспользовавшись его растерянностью, девушка поднялась, направляясь к окошку, чтобы убедиться, что дождь закончился и им не придётся вновь мокнуть в пути.

Один за другим стали просыпаться постояльцы, а слуги засуетились на кухне, готовя завтрак.

Кеннет решил перекусить и сразу ехать.

Им принесли жареную курицу, омлет, сыр, хлеб и квас.

– Вас не станут искать? – спросил спутницу Кеннет.

– Не знаю. Нет, вряд ли.

– А... Ваша мать...

– Я о ней и говорю. Конечно, она будет волноваться, но совершенно напрасно. Я не собираюсь лезть в её жизнь, а именно этого она боится.

– Вы обижены на неё или и впрямь не любите?

– И то и другое. Как могу я любить её, если не нужна ей, и прекрасно это знаю. Она приезжала ко мне, но всегда при встрече я чувствовала лишь страх. Она думает, что я довольна этой жизнью, а я никогда не пыталась ей возражать. Она

решила, что я навсегда останусь вдали от этого мира. Но я так не хочу!

Кеннет ничего ей не ответил, но взгляд его, устремлённый в её лицо, стал задумчивым и немного печальным. Он не мог осуждать, ведь это её жизнь, и у неё есть право делать выбор. Вот только сможет ли она противостоять всему свету, отставив свои интересы? Она бросила вызов судьбе, решив строить свою жизнь сама. У неё предостаточно упорства и отваги, она амбициозна, но достаточно ли этого, чтобы заявить о себе миру?

Антония, не дождавшись от него одобрения, тоже стала грустной. Несколько минут они ели молча, наконец, откинув невесёлые рассуждения прочь, девушка поинтересовалась.

– Мы скоро приедем?

– Думаю, к вечеру достигнем Дамфри.

Мысль, что ещё немного, и они смогут полноценно отдохнуть, не опасаясь недобрых людей, которых хватает на пустынных дорогах, согрела сердце девушки, и она с воодушевлением принялась за завтрак.

Антония уже выбивалась из сил, когда на горизонте в лучах заходящего солнца показался крепкий шотландский замок, окружённый высокой стеной и глубоким рвом, наполненным водой. Серой громадиной возвышался он среди изумрудной зелени, попирая раскинувшуюся перед ним долину.

– А вот и Дамфри, – сказал Кеннет. – Мы должны пото-

ропиться, чтобы успеть до темноты.

Антония заметно выдохнула. С непривычки долгая дорога и неудобства, с которыми пришлось столкнуться в пути, ошутимо отдавали в пятой точке, да и ладони избежали мозолей исключительно благодаря совету торговки, буквально навязавшей перчатки. До замка было ещё неблизко, но она уже грезилась мягкой постелью и горячей ванной, на которую очень рассчитывала.

Приём оказался довольно бурным: как только Кеннет и Антония вошли в большую залу замка, с верхней площадки лестницы раздался радостный возглас, и юная девушка, одетая в скромное домашнее платье, пустилась бегом вниз, перепрыгивая через две ступени.

– Кеннет! Боже, неужели это ты?! – воскликнула она, бросаясь в его объятия. – Я скучала по тебе, мой дорогой кузен, – кокетливо произнесла она, подставляя щёчку для поцелуя и искоса поглядывая на незнакомку.

Кеннет, улыбаясь, ответил ей в тон: – Я польщён, моя дорогая кузина.

Девушка выскользнула из его объятий и в упор посмотрела на Антонию своими выразительными карими глазами.

Антония, в свою очередь, не без интереса взглянула на избранницу покровителя. Кэтрин оказалась стройной, несколько хрупкой, но не лишённой мягких округлых форм девушкой. Её лицо было чистым и нежным, яркий румянец,

вспыхнувший на щёчках от переполнявших сердце эмоций, делал его ещё более милым. Каштановые локоны разметались в беспорядке, рассыпавшись по плечам, придавая облику некоторую дерзость, сквозившую и в устремлённом на Антонию взгляде.

– Кто она, Кеннет?

– Это леди Антония, она будет заниматься тобой.

– Что?! – Взгляд девушки впился в кузена. – Это моя гувернантка?

– Эта леди согласилась быть твоей наставницей в некоторых вопросах, чтобы помочь тебе стать настоящей леди.

Кэтрин перевела взгляд на Антонию, внимательно разглядывая.

– Это правда?

– Да, – легко улыбнулась та. Она чувствовала себя несколько скованно и очень сомневалась, что её уроки здесь нужны.

Кэтрин беззастенчиво рассматривала Антонию, пока Кеннет не одёрнул её.

– Китти, довольно держать нас тут. Наша гостья устала, мы должны ей оказать достойный приём.

– Конечно, всё, что захочешь, Кен, – ответила беззаботно девушка, передёрнув плечами. – Пойдёмте наверх.

Сказав это, она схватила юношу за руку и повела за собой по ступеням, но Кеннет заставил её остановиться.

– Постой, Китти, а где твои родители?

– Они отправились к тётушке Эйлис, чтобы быть рядом с твоим отцом. Ему вроде бы полегчало, так что не волнуйся.

– Ты уверена, что ему лучше?

– Таково было последнее сообщение. Ну, вы идёте?

– Поспеши вперёд и распорядись относительно комнат, а я провожу леди Антонию.

Девушка недовольно поджала губки и покосилась на гостью, буркнув: – Хорошо.

Подобрав юбки, она побежала вверх по лестнице.

Проводив её взглядом, Кеннет предложил Антонии руку, приняв которую девушка последовала за ним.

– Милорд, я сомневаюсь, что... может быть, нужно дождаться родителей Кэтрин? Наверняка решают они. И милорд, я очень вам благодарна за заботу обо мне и проявленное сочувствие, но прошу, не навязывайте меня, если я вдруг им не понравлюсь. Всё-таки для того, чтобы воспитывать и учить, я знаю, нужны рекомендации. И как они доверят мне её, я всего лишь на несколько лет старше леди, и потом... моё происхождение... они станут задавать вопросы и придут к выводу... Хотя, я могла бы учить не хуже, чем другие.

Антония всегда много и сбивчиво говорила, когда сильно волновалась.

– Успокойтесь, – мягко остановил он поток её слов. – Вы им понравитесь, потому что вы не можете не нравиться. Но если вдруг вы не пожелаете остаться здесь, я возражать не стану.

– Пусть будет, что будет, – вздохнула Антония, полагаясь на провидение.

– Завтра утром я уеду, а вы останетесь с Кэтрин. У вас будет время узнать друг друга поближе, прежде чем я вернусь.

Они поужинали вместе в трапезной замка. Кэтрин говорила мало, в основном интересовалась у Кеннета его пребыванием в университете, да делилась новостями о скучной провинциальной жизни. То ли полученное воспитание, то ли полное отсутствие интереса к гостье с её стороны, избавило Антонию от необходимости что-либо рассказывать о себе за столом. Кэтрин её словно и не замечала, лишь пару раз Антония поймала на себе её задумчивый взгляд – каждый раз ей казалось, будто сердце замирает. Было боязно вот так сразу выложить о себе правду, а лгать совсем не хотелось, поэтому Антония надеялась, что у неё будет время продумать свою историю так, чтобы она была максимально близка к истине и при этом лишена щекотливых подробностей.

Было уже поздно, когда они разошлись по отведённым каждому комнатам. Неутолённое любопытство Кэтрин читалось на её милом лице, но ей пришлось проявить волю, чтобы отложить расспросы на потом. Она предоставила гостье в распоряжение служанку, оставив её, наконец, одну.

Отпустив горничную, Антония расслабилась в тёплой ванне, прокручивая в мыслях события прошедших дней. Она подумала о Кэтрин, надеясь подружиться с ней, но со-

мнение не давало ей покоя. За ужином та несколько сердито поглядывала на неё.

«Может быть, это из-за Кеннета? Она могла вообразить невесть что! И в её возрасте... Могла ли она думать о таких вещах? О каких?» – поймала себя Антония. Она не знала, но что-то внутри говорило за неё.

Если всё пойдёт удачно, то она останется здесь, а Кеннет уедет, и Кэтрин не о чем будет волноваться. Да и вообще, он здесь совсем ни при чём. Кэтрин можно позавидовать, у неё будет хороший муж.

Она подумала о письме. Если всё устроится, то ей не будет надобности использовать его в своих целях, ввязываясь в эту тёмную историю. Она могла бы просто отослать письмо королю как предостережение, и всё.

Насладившись вволю ароматной ванной, она облачилась в чистую сорочку и забралась в постель, где тут же провалилась в беспокойный сон. Несмотря на усталость, на новом месте ей дурно спалось. Мешали тревожные сновидения, сути которых она не могла уловить. Её что-то разбудило, но что именно она не могла понять: всё было тихо, не слышно ни шороха, лишь потрескивали дрова в камине. Но тревожное предчувствие заставило гулко стучать сердце.

Она уже собиралась вновь закрыть глаза, как вдруг где-то неподалёку, в соседней комнате услышала весёлый девичий смех и последовавшие за ним слова, приглушённые расстоянием и толщиной стен.

– Кеннет, чего ты боишься, что она услышит нас? Да она уже давно спит. Нет, останься ещё! Расскажи мне о вашей встрече.

Наступила пауза. Антония не расслышала ответа, видимо, он старался говорить тише, в отличие от Кэтрин, которая, казалось, задалась целью своими громкими речами разбудить гостью, спящую в соседней комнате.

– Она ведь красивая, да? Она тебе нравится?

Напрягая слух, Антония расслышала, как он сердито шикнул на кухню.

– Прекрати. Твои расспросы неуместны. Уже поздно, мне нужно идти. Я не спал всю ночь.

– Интересно! Чем же ты занимался, а? А леди? Она спала?

– Леди спала! Кэтрин, мне не нравится твой тон.

– А она? Ну, скажи, я не рассержусь. Она красивая?

– Красивая, – раздражённо бросил он.

– И она тебе нравится?

– Китти, довольно вопросов! Пора спать.

– О нет, Кен! Не уходи! Ещё чуть-чуть. Вот так. Побудь ещё немножко. А кто тебе больше нравится – я или она?

Осознав, что разговор идёт о ней, Антония поднялась с постели и осторожно приблизилась, прислонившись к стене, чтобы расслышать сдержанный голос своего покровителя.

– Глупый, неуместный вопрос!

– Я имею право знать. Ты – мой будущий муж!

– Послушай, Китти, леди Антония очень красивая и поря-

дочная девушка, и чтобы впредь я больше не слышал от тебя всяких глупых намёков. Она приехала сюда, чтобы дать тебе кое-какие знания, и уверяю тебя: между мной и ею невозможны иные отношения, кроме тех, что сейчас. Я испытываю к ней глубокое уважение и доверие. Надеюсь, ты не станешь расстраивать леди своим поведением.

Наступила тишина, а затем внезапный весёлый смех.

– Ты бы видел сейчас себя! Мне страшно даже подумать, что ты сделаешь со мной, если я обижу её, – нарочито театрально воскликнула она. – Ты её любишь?

– Кэтрин, что ты такое говоришь! А ну, быстро спать!

– Ты сердишься! – смеялась девушка. – Кеннет, ты рассердился оттого, что я сказала глупость?

– До завтра, Китти, – сдержанно ответил он.

Послышались приглушённые шаги, затем захлопнулась дверь и снова звук шагов, гулко раздающийся в высоких сводах коридора.

Антония быстро вернулась в постель. Насупившись, она сидела, сложив руки на груди, устремив взор в окружающий мрак комнаты, и не понимала, почему, но она злилась. На кого? Неизвестно. Просто злилась, и всё. Эта девчонка специально завела этот разговор. Что она хотела? Зачем? Показать, что Кеннет принадлежит ей одной?

Следующая мысль заставила пылать её щёки, и она уткнулась лицом в подушку.

На рассвете Кеннет уезжал. Во дворе его провожала невеста. Этим утром она постаралась выглядеть так, чтобы произвести впечатление не только на будущего супруга, но и на гостью. Одета в тёмно-красное бархатное платье, подчёркивающее её фигуру, она выглядела очень привлекательно для мужчин. Её светло-каштановые волосы были уложены в причёску, и это делало её несколько старше своих лет, что отнюдь не портило, напротив, добавляло шарма.

Молодые прощались перед недолгой разлукой. Кеннет обещал скоро вернуться. Он поцеловал сначала щёчку невесты, затем её ручку и, взяв коня под уздцы, направился к подъёмному мосту. Прежде чем уехать, он обернулся и поднял взорк окнам спальни гостьи.

Взгляд Антонии был мрачным, но он, конечно, этого не заметил. Она не ожидала, что Кеннет посмотрит в её окно, застигнув врасплох, но внезапно прятаться было бы смешно, хотя ей и не хотелось, чтобы он знал, что она оказалась свидетельницей милой сцены. Откинув локон с щеки, она улыбнулась, пытаясь выглядеть искренне, и махнула ему рукой. Он приветствовал её кивком головы, после чего вскочил в седло и пустил коня рысью, неспешно удаляясь.

Через полчаса Антонии предстояло встретиться с наследницей замка за обеденным столом в зале. Прежде чем выйти, девушка критически осмотрела себя в зеркале, она старалась выглядеть хорошо, но с причёской ничего не получалось, а прибегнуть к услугам служанки ей даже в голову не пришло.

Поэтому просто заплела волосы в косу.

Кеннет говорил, что она красива...

Антония снова бросила взгляд на себя в зеркало, не зная, что и думать. Нет, леди Кэтрин намного привлекательнее: у неё светлее волосы и нежные, хоть и дерзкие глаза, а ведь она ещё так юна. Она станет очень красивой женщиной. Антония попробовала сделать такой же жеманный взгляд, но тут же прыснула от смеха и поспешила вниз.

Кэтрин сидела во главе стола, на месте, принадлежащем хозяину замка – её отцу, и дула губы в ожидании «гувернантки», играя столовым ножом. Когда Антония вошла, она тут же оценила настроение Кэтрин, и ей сразу перехотелось улыбаться.

– Доброе утро, миледи, – сказала она, присаживаясь на отведённое ей место.

Кэтрин деловито вскинула подбородок и критически посмотрела на неё. Отложив прибор в сторону, она наставническим тоном произнесла, подражая своему отцу:

– Я прождала вас десять минут. Прошу впредь быть более пунктуальной, – с этими словами она взяла колокольчик для вызова прислуги и изящным движением руки позвонила.

Антония сделала над собой усилие, чтобы не поджать сердито губы. Ей казалось, она спустилась вовремя. Сначала она хотела сослаться на незнание относительно порядков и обычаев светских семей, но передумала.

Её лицо ничего не выражало, лишь взгляд, которым она

смотрела на собеседницу, говорил, что им есть что сказать друг другу. Но Кэтрин, будто не обращала на неё никакого внимания: она была занята контролем над прислугой, которая, явившись на её зов, принялась обслуживать молодую госпожу и её гостью.

– Что вы будете мне преподавать? – вдруг спросила Кэтрин, приступая к завтраку.

– Миледи, я хочу сразу предупредить, что не являюсь ни гувернанткой, ни тем более учителем. Милорд Кеннет, вероятно, рассказывал, что я покинула пансион, в котором воспитывалась все эти годы. И есть вещи, которые я знаю очень хорошо, и думаю, что это не помешает усвоить такой леди, как вы. Если бы мы с вами подружились, думаю, многому могли бы научиться друг у друга. – Пытаясь разрядить обстановку, Антония слабо улыбнулась. – Например, я могла бы научить вас плести чудесные кружева, а вы рассказать мне о поэзии.

Кэтрин внимательно выслушала девушку и после недолгой паузы с самым серьёзным видом произнесла:

– Мы могли бы подружиться, но у меня есть одно условие, леди Антония. Ваша дружба не будет распространяться на моего кузена. Вы красивая молодая женщина и прекрасно это сознаёте. Это видят и мужчины. Я заметила, как Кеннет смотрел на вас, и хочу предупредить, будьте осторожны, ведь он – мужчина, избалованный женским вниманием. Помимо этого, он галантен, образован и просто чертовски кра-

сив, это большой соблазн для такой неискушённой девушки, какой вы себя считаете. Боюсь, как бы вам не обжечься, леди Антония.

– Миледи, вы совершенно напрасно так думаете обо мне. Тем более что ни в моих мыслях, ни в мыслях милорда не было ничего подобного тому, о чём вы мне толкуете. Также хочу вас уверить, милорд думает только о вас. Он рассказывал мне о вас и предстоящей женитьбе. Поверьте, я не стану искушать судьбу, тем более что для вас двоих она уже predetermined.

Тон, которым Антония произносила речь, был серьёзным, уверенным и несколько прохладным.

– Вы так хорошо осведомлены о мыслях и желаниях моего кузена, – многозначительно протянула Кэтрин, скрывая усмешку.

– Он откровенно лестно отзывался о вас, миледи. И прошу вас, – на губах Антонии мелькнула улыбка. – Перестаньте искать в наших отношениях что-то предосудительное. Я, конечно, не стану отрицать: милорд Кеннет замечательный человек, и мне он нравится. Но не более.

– Ладно, – отмахнулась Кэтрин. – Я вас предупредила. Чем мы сегодня займёмся?

– Я думаю, нужно всё подготовить: нитки, иглы... И потом, вы так и не сказали, хотите ли вы заниматься этим? Или соглашаетесь потому, что того требует ваше воспитание?

– Честно говоря, у меня вовсе нет желания заниматься

шитьём, это самое скучное занятие из всех, что я знаю.

– Мне тоже не нравится шить, но кружева я люблю. Вышивать – это изысканно даже для таких леди, как вы. Представьте, как бы вы изумили лорда Кеннета, подарив ему платок, сделанный собственными руками.

– Платок? Вышить платок для Кеннета? – переспросила Кэтрин и, призадумавшись, откинулась на спинку стула. Видимо, ей понравилась эта идея, потому что спустя минуту она, улыбаясь, озорно взглянула на Антонию и предложила: – Вы сделаете это. Вы вышьете платок и отдадите мне. Я преподнесу ему подарок от своего имени, когда он вернётся.

Антония не сразу нашлась что возразить.

– Нет, леди, это должны сделать вы. Когда я покажу вам, вы поймёте, что это совсем нетрудно.

– Охотно верю вам, но неужели вы откажете в такой мелочи своей подруге?

– Для вашего же блага. Вы ведь не хотите начинать ваши отношения со лжи?

– Ну вот, вы уже начинаете указывать, как мне вести себя со своим женихом! – недовольно буркнула девушка. – Это не должно вас волновать, леди Антония. К тому же об этом никто не узнает, если вы не расскажете.

Антония чуть прищурила глаза – слегка сердясь. И в самом деле, какая ей разница? Но отчего-то ей не хотелось вводить Кеннета в заблуждение. Она умолчит о правде, но всё равно это будет обманом. Кеннет хотел видеть в Кэтрин

неподдельное умение, так ей казалось, когда он предложил ей место здесь, в замке. Но сейчас она думала иначе. Возможно, он был слишком добр, чтобы бросить её на произвол судьбы, и именно поэтому предложил стать наставницей для своей невесты.

Лёгкое смятение охватило её. Что ей делать?

– Хорошо, миледи, – согласилась неохотно она и спросила: – А столица далеко от замка?

– Столица? Почему вы спрашиваете?

– Мне бы хотелось просто знать. Когда я ехала сюда, у меня было намерение повидать одного человека. Он живёт там.

– Нет, это недалеко, – ответила Кэтрин. – Вы всё ещё намерены отправиться в Эдинбург?

Антония пожала плечами.

– Думаю, да. А когда вернутся ваши родители?

– Не знаю. В любой момент. Всё зависит от состояния здоровья дядюшки Вильяма.

– Дядюшки? – переспросила Антония.

– Ну-у, я так его называю. На самом деле он приходится дальним родственником нашей семьи.

Антония надеялась, что с отцом Кеннета всё будет хорошо, и ничто более не омрачит настроение её покровителя.

– У вас большой замок. Вы покажете его мне? Наверное, у вас есть картины ваших предков. Так любопытно взглянуть, – предложила Антония начало их знакомства.

– Вряд ли это будет для вас интересным, – отмахнулась Кэтрин. – Это так скучно.

Антония смолчала, понимая, что ей придётся вести себя в зависимости от капризов девчонки.

– Вы говорили о поэзии. Любите читать? – поинтересовалась Кэтрин.

– Да, – глаза Антонии загорелись. Ей так хотелось прочесть то, о чём говорил Кеннет.

– Пойдёмте, я покажу вам нашу библиотеку – гордость отца, – предложила Кэтрин, поднимаясь из-за стола.

Антония последовала за ней по длинным коридорам замка. Вскоре они оказались на месте. Огромные стеллажи из морёного дуба были завалены древними рукописями и новенькими, недавно отпечатанными книгами в изящном дорогом переплёте. В помещение сквозь высокое сводчатое окно проникали лучи солнца, плавно скользившие по полкам с хранящимися на них сотнями замечательных книг, и падали к ногам девушек.

– Вот, выбирайте.

Антония впервые видела так много книг и немного растерялась.

– Вы посоветуете?

– Мне нравятся любовные романтические истории.

– «Илиада» Гомера... здесь, думаю, есть? – взволнованно спросила Антония. Сами слова «любовные истории» немного смущали её слух.

Кэтрин пожала плечами, подходя к полкам с книгами.

– Кажется, есть. Кеннет привозил, – задумчиво произнесла она, скользнув внимательным взглядом по полкам.

Не скоро, но они всё же нашли то, что искали.

День прошёл незаметно, а вечер Антония посвятила «Илиаде».

На следующий день она познакомилась с горничной Кэтрин, которая была последней, как подруга, и рассказала ей о своих намерениях. Анна с готовностью нашла моток шёлковых ниток и иглы.

День выдался ясный, даже жаркий. Девушки расположились в розовой аллее. У их ног у скамьи, на которой они сидели, стояла маленькая корзинка с шитьём, и Антония определённо наметила цель заставить Кэтрин собственноручно сделать салфетку. Она пыталась объяснить ей процесс вышивания, но та слушала рассеянно, всё больше заглядываясь на летавших вокруг птичек, да порхающих с цветка на цветок бабочек.

– Леди Антония, я не умею этого делать, – капризно прохныкала она, когда в очередной раз та попыталась привлечь её внимание.– Не тратьте время зря. Он может появиться в любой момент, а вы ещё ничего не вышили!

– Это не так сложно, как кажется! Миледи, вы совсем не хотите этому учиться... я, конечно, могу сделать это за вас, но не вижу в этом смысла.

– Я научусь этому позже. Неужели вы не видите, какой

чудесный сегодня день?

– Да, – согласилась Антония, вскинув взгляд к облакам, неспешно парящим в вышине. Ей и самой до ужаса надоели эти кружева, и она была совершенно не против просто насладиться погожим днём.

Ладно. Позже так позже. Если родители Кэтрин одобряют её пребывание здесь, то девчонке придётся всему научиться.

Тонкие пальчики Антонии теребили нежный шёлк. Её мысли обратились к Кеннету. Это естественно: Кэтрин хочет удивить его при появлении и снова завладеть его вниманием. Она желает вновь увидеть восторг в его глазах. Что ж, пусть так и будет; а потом Кэтрин придётся всё наверстать.

Задумавшись, она вышивала платок золотыми нитями и так погрузилась в свои размышления, что не заметила, как Кэтрин тихонько от неё сбежала, чтобы поймать бабочку. Лишь когда девушка опустилась на траву у её ног, пряча в ладошках своё сокровище, Антония, наконец, её заметила.

Кэтрин, счастливо улыбаясь, шепнула: – Смотрите. – И медленно разомкнула ладошки, выпуская на свободу двух маленьких жёлтого цвета бабочек, которые, кружась, поднялись в небо.

Антония улыбнулась, наблюдая за танцем двух крылатых существ в лучах яркого солнца, тёплого и ослепительного. Затем перевела взгляд на Кэтрин.

– Вы живёте в замке совсем одна? У вас нет сестры, брата? Мне кажется, вы очень любите природу и она ваш лучший

друг.

– Я единственная наследница всего состояния, – беззаботно бросила Кэтрин, пожав плечами, и присела рядом с Антонией, расправляя складки на юбке. – Иногда мне бывает грустно одной, но, в общем, я не жалуясь. Ведь у Кена тоже нет ни брата, ни сестры. Его отец так больше и не женился. У меня же был братик, но он умер в младенчестве, такое часто бывает. А у вас? У вас есть брат или сестра?

– Нет, – Антония на самом деле не знала.

В редкие моменты, когда мать навевывалась в пансион, Антония предпочитала молчать и никогда не задавать вопросов о её доме и окружении. Это её не касалось, а значит, стоит думать, что у неё никого нет. – У меня нет семьи, потому я и жила в приюте.

– Это, наверное, ужасно, сознавать, что ты совсем одна. Я бы этого не пережила, – сокрушённо вздохнула Кэтрин.

«Ещё ужаснее сознавать, что у тебя есть мать, а ты ей не нужна», – подумала Антония, а вслух произнесла:

– Родители, наверное, вас безумно любят.

– Да, наверное. Так ведь, должно быть.

Антония промолчала, да, так должно быть. Только в её жизни всё не так.

Следующие два дня девушки уже свободно общались друг с другом, Кэтрин казалось, приняла Антонию, и отбросила подозрения и ревность. Антония же со своей стороны стара-

лась не давать ей повода изменить своё доброе отношение. Они говорили о поэзии, Кэтрин читала ей «Песнь о Роланде», мечтая о большой любви.

Когда же она убежала на конюшню, чтобы прокатиться верхом, Антония садилась за вышивание. Она почти закончила свою работу, с гордостью смотря на изящный платок с именем Кеннета, вышитым красивыми золотыми буквами в одном углу, и фамильным гербом в другом.

Был полдень, Кэтрин поднялась к себе в комнату, чтобы понежиться в постельке, после изнурительной скачки по окрестностям. Антония, скучая, как обычно, в этот час, так как не привыкла отдыхать днём, решила удовлетворить своё любопытство.

Не спеша, она бродила по старинному замку, заглядывая в самые дальние уголки, даже в разгар дня казавшиеся тёмными и мрачными. Любопытство толкало её всё дальше и дальше: сначала она прошлась по галереям, стены которых были увешаны портретами предков Кэтрин, изображённых в рыцарских доспехах с воинственным и мрачным выражением лиц. Затем, прихватив с собой факел, спустилась ниже, где располагался погреб, и долго бродила по подземелью, любопытствуя, пока не отыскала в дальнем тёмном углу маленькую дверцу, затянутую паутиной. Слегка нажала на неё, пытаясь открыть, затем сильнее, но тщетно. От сырости она поржавела и не двигалась с места.

– Интересно, – пробормотала Антония, намереваясь про-

никнуть в эту тайну.

Её занимало любопытство, зачем она здесь? Если на ней нет замка и даже замочной скважины, значит, она не заперта. Прикрепив факел в специальное кольцо в стене, она попыталась сдвинуть дверь ещё раз, но вновь усилия оказались напрасны. Её сил не хватило, чтобы сдвинуть такую тяжесть. Пришлось возвращаться. Подобрав юбки и держа повыше факел, она пустилась в обратный путь. Осторожно ступая по каменным плитам пола, Антония продвигалась вперёд, как вдруг раздавшийся писк заставил её подпрыгнуть на месте и в ужасе вскрикнуть. Как она могла подумать, что в подземелье не будет мышей?! Теперь она ступала не так осторожно, а почти бежала оттуда прочь, путаясь в многочисленных складках юбки. В панике она повернула в первый попавшийся коридор, длившийся бесконечно долго, как ей казалось, и лишь выбившись из сил, поняла, что заблудилась. Пришлось поворачивать назад. Холодея от страха, она надеялась, что сможет найти выход из этого жуткого места, куда её угораздило забрести. Она спешила, не разбирая дороги, и вот вновь поворот – Антония ринулась туда, и в следующий момент у неё перехватило дыхание от сознания того, что она падает, оступившись на лестнице, ведущей ещё ниже, которую она сразу не заметила. Девушка не смогла удержать равновесие и, больно ударилась, выронив из рук факел.

Несколько минут она сидела и не могла подняться, потирая ушибленное колено. Факел потух, и вокруг была кро-

мешная темнота. Собрав свои силы, она встала и повернула назад, в коридор, с которого так опрометчиво свернула на лестницу. Ей привиделось, что вдалеке мелькнул свет. Держась за сырые стены, она осторожно побрела туда, клянясь, что больше никогда в жизни не сделает ни шага в незнакомые стены замка. Ей казалось, прошла целая вечность, как она оказалась в этом ужасном месте и молила Бога помочь ей. Наконец, ей почудилось, что кто-то зовёт её, через минуту эхо раздалось под сводами подземелья, так громко и отчётливо, что Антония уже не сомневалась, она слышала нежный голосок Кэтрин. Почувствовав, невероятное облегчение и радость, Антония закричала в ответ:

– Леди Кэтрин, я тут!

– Леди Антония! – звенел совсем близко голос Кэтрин, и стук её каблучков эхом раздался под сводчатым потолком.

В надвигающемся свете зажжённого факела, что виднелся впереди, Антония различила, что девушка не одна. Когда расстояние сократилось, она увидела сэра Кеннета, сопровождавшего свою кузину. Нежданное появление молодого человека ещё больше смутило Антонию.

– Я заблудилась, – только и смогла выдавить она, убирая с лица растрепавшиеся волосы и избегая встречаться взглядом с юношей.

– Зачем вы пошли сюда?! – недоумевала Кэтрин.

– Не надо сейчас вопросов, Китти. Потом, – одёрнул её Кеннет. Он выглядел обеспокоенным. Подойдя, он предло-

жил руку Антонии, заметив, что она нуждается в поддержке. Её бледность была очевидна, и казалось, она сейчас рухнет в обморок. – Не думал, что вы будете встречать меня здесь.

– Простите, я сама этого не предполагала.

Она присела в реверансе, так как не посмела принять его руку, и поспешила за Кэтрин, оставив Кеннета недоумевать по поводу её бегства. Он шёл следом, освещая девушкам путь. Когда они вышли на свет, то при виде состояния Антонии Кэтрин не удержалась, чтобы не рассмеяться. Казалось, Антония собрала всю паутину, которую можно было отыскать в подземельях Дамфри. Она липкими нитями облепила платье, запуталась в волосах, осела на измятые, потемневшие от пыли кружевные манжеты.

– О, леди! Где вы собрали столько паутины?

Антония выглядела смущённой.

– С вашего позволения, я приведу себя в порядок.

– Да, конечно, поспешите. Мои родители желают с вами познакомиться. Спускайтесь к столу через полчаса.

Эти полчаса Антония провела, плескаясь в воде. Платье уже было негодным к выходу, и она разложила на постели другое, купленное во время путешествия с Кеннетом. Она понимала, что теперь ей потребуется смена. Это платье было льняным, нежного кремового цвета, строгого кроя с белоснежным воротничком и манжетами.

Уложив волосы в две косы, она осталась довольна своим внешним видом. Щёки всё ещё пылали румянцем от воспо-

минаний о нелепой встрече с юношей. И как она могла так вляпаться?! Почему именно сегодня и сейчас её угораздило попасть в эту историю с подземельем?!

«Приехали родители Кэтрин!» – Антония сдерживала дрожь от страха перед предстоящей встречей с ними. И Кеннет приехал...

Несмотря ни на что, даже на слова, нет, на просьбу Кэтрин не мечтать о Кеннете она чувствовала, что испытывает к нему больше теплоты, чем положено. Она отвергла его руку. Ах, если бы он знал о её первом порыве, когда она увидела его! Задержав ладони несколько секунд у пылающих щёк, она глубоко вдохнула и поспешила в столовую.

Когда она вошла в залу, Кеннет и сэр Генри Лиднлоу стояли у окна, обсуждая сложившуюся обстановку в стране: сейчас барона очень волновал вопрос – удастся ли вице-канцлеру короля Якова VI Джону Мейтленду договориться-таки с министром Елизаветы Френсисом Уолсингемом о заключении союза между странами.

На самом деле долгое время приграничное расположение баронских угодий очень страдало от нестабильности в стране. От постоянной смены регентов, жаждущих утвердить в своё влияние, государство мотало из стороны в сторону, как в политических убеждениях, так и в убеждениях веры. Каждый последователь своего вероисповедания пытался навязать свою волю молодому королю и заставить знать принять ту или иную доктрину и присягнуть на верность. Но теперь,

когда молодой король осмелился взять бразды правления в свои руки и вёл политику сближения с сильным соседом, Генри Лиднлоу надеялся, наконец, выдохнуть и не опасаться, что очередное вторжение англичан нанесёт урон его землям.

Миссис Лиднлоу сидевшая тут же в удобном кресле, наблюдала за мужем и будущим зятем, не вступая в разговор. Кэтрин в зале ещё не было, потому Антония могла вздохнуть свободно, ведь она пришла не последняя.

Заметив её, Кеннет, извинившись перед хозяином замка, отставил в сторону кубок с элем и приблизился к ней, галантно предложив руку.

– Леди Антония.

На этот раз Антония опустила свою руку на его, полагая, что именно так она и должна поступить, и Кеннет проводил её к ожидавшим их сэру Генри и его жене.

– Хочу представить вам моего дядю сэра Генри Лиднлоу, владельца этого замка и отца Кэтрин, – отрекомендовал юноша высокого, крепкого, светловолосого мужчину лет сорока. Он был немного полноват, что, однако, не лишало его привлекательности, и даже густая борода и усы придавали ему некоторый шарм. Он слегка наклонил голову в знак приветствия, и, Антония ответила лёгким реверансом.

– Моя дорогая тётушка Елена, – продолжал Кеннет. Антония так же приветствовала приятную молодую женщину лет тридцати пяти, очень похожую на Кэтрин. Та покинула

своё кресло, с интересом в глазах и приветливой улыбкой на губах, ответила кивком головы на реверанс Антонии.

– А это леди Антония, о которой я вам рассказывал.

– Мы рады приветствовать вас, леди, в нашем доме. Мой племянник очень лестно о вас отзывался, – произнёс сэр Генри.

– Будем надеяться, вы оправдаете наши ожидания, – встала слово леди Елена.

Антония чуть приободрилась, ей понравились эти люди, и, судя по всему, она была принята. Баронесса предложила присесть на софу, и когда они оставили мужчин рассуждать о политике, устроились поудобнее, Антония перечислила ей все свои достоинства и немного рассказала о себе.

Вскоре в залу спустилась Кэтрин, она выглядела великолепно в светлом шёлковом платье, украшенном венецианскими кружевами. Легко ступая, она приблизилась к мужчинам, и, открыто улыбаясь Кеннету, протянула ему небольшую коробочку, обтянутую синим бархатом.

– Я совсем забыла, а ведь приготовила это для тебя.

– Что это?

– Возьми, и узнаешь.

Все с интересом смотрели на эту молодую, красивую пару, казалось, специально созданную друг для друга.

Кеннет взял из рук девушки коробочку и открыл её. Закусив губу, Кэтрин с любопытством следила за выражением лица своего жениха. Несколько секунд он смотрел внутрь

коробочки ничего не выражающим взглядом, видимо, не совсем понимая, что означает весь этот процесс вручения сюрприза. Затем его лицо осветила приятная улыбка, и он, расстроганный, повторил.

– Что же это?

– Ну, достань же.

Кеннет повиновался, в его пальцах оказался белоснежный кружевной платок, вышитый руками Антонии.

– Нравится?

– О, Китти, – с восторгом прошептал он. – Неужели это...

– Я сделала своими руками для тебя! Вот видишь, как я люблю тебя, Кеннет. Я думала о тебе все эти дни, ни на миг не забывая.

– Кэтрин, – строго прервал отец её любовное воркование.

Но она лишь подкупающе улыбнулась ему.

– Это правда, папочка.

– Китти, я тронут, – произнёс Кеннет с чувством и коснулся губами её пальчиков. – Прекрасная работа, у тебя золотые ручки, мой котёнок.

Никто тогда не заметил выражения лица Антонии, а оно было поистине несчастным. Взмахнув тёмными ресницами, она отвела взгляд от влюблённых.

– Кэтрин, когда ты научилась работе иглой и ниткой? – поинтересовался барон, с любопытством разглядывая работу.

– Меня научила леди Антония, – без смущения лгала

Кэтрин, ища взглядом её поддержки, и та заставила себя мило улыбнуться.

– Леди Кэтрин — прилежная ученица, а это только начало.

Никто не заметил, как Кэтрин подмигнула Антонии и прильнула к Кеннету, подхватив его под руку.

– Вот видите, я не ошибся в выборе наставницы для моей дорогой кузины, – произнёс Кеннет. – Леди Антония, вы просто волшебница.

Девушка молчаливо приняла его комплимент. Она чувствовала, что должна что-то ответить, но смогла лишь слабо улыбнуться.

– Довольно разговоров, – произнесла леди Елена, поднимаясь. – Пойдёмте к столу. Обсудить таланты леди Антонии и способности нашей дочери у нас будет ещё масса времени.

Ужин проходил в привычной для хозяев обстановке, они говорили о вещах мало понятных Антонии, и она предпочитала сравнивать Кеннета такого изысканного с тем, каким она уже его знала. Как ей казалось, те обеды на траве, под открытым небом, где он был прост, воспринимались в сто раз приятнее, чем этот. Или это оттого, что тогда он находился с ней? А сегодня всё его внимание сосредоточено на невесте. На этом она оборвала себя. Не стоит об этом думать.

Она видела, как Кеннет что-то шепнул Кэтрин и спрятал платочек под кожаный колет, поближе к сердцу. В какой-то момент он отвлёкся от беседы и взглянул на Антонию. Она

старалась вести себя вполне обычно: её лицо выражало вежливый интерес – всё то время, пока этот маленький нюанс не остался ею замеченным. Чёрные глаза просто не в силах были удержать сердитый блеск, на какой-то миг, вспыхнувший в их глубине мрачным огнём.

То ли ему чудится, то ли она на самом деле сейчас так смотрела на него?

Вскоре после ужина хозяин замка с супругой отправились отдыхать, после долгой дороги, а Кэтрин увлекла жениха в библиотеку, засыпая всевозможными вопросами, предоставив Антонию самой себе. Именно тогда Антонии показалось, что сохранить спокойствие и унять внезапно вспыхнувшее чувство досады при виде милующейся парочки ей будет ой как непросто.

4 Глава. Письмо

Ранним утром Антония случайно столкнулась с Кеннетом в галерее, когда тот направлялся во двор, чтобы узнать о своей лошади, на которой он приехал накануне. Не достигнув замка, она начала прихрамывать, что очень беспокоило владельца. И вот сейчас, когда ещё в замке только просыпалась жизнь, встреча с Антонией его удивила, что явно читалось в его глазах.

– Доброе утро.

– Доброе утро, милорд, – выдохнула она, так же не ожидавшая встречи. – Вы... уже уезжаете?

– Почему вы так решили?

Он заметил на её лице тень смущения, и это замешательство вызвало на его губах беглую улыбку.

– Почему вы не спите, ведь ещё так рано?

– Я всегда встаю рано.

– И начинаете свой день с прогулок по тёмным галереям незнакомых замков, – спросил он шутя.

– Нет, вы ошибаетесь. На этот раз я выбираю аллеи сада, – ответила она, прекрасно понимая его намёк.

– Что ж, тогда нам по пути. Идёмте.

На секунду Антония смешалась, вспомнив просьбу Кэтрин, но, подумав, что в этом нет ничего предосудительного, согласилась пойти вместе. Они, не спеша, брели по гале-

рее, думая каждый о своём. Кеннет выглядел озабоченным, но Антония и понятия не имела, что могло быть тому причиной.

– Вас никто не обижает? – вдруг спросил он.

– Нет. Ваши родные очень милые люди. И Кэтрин, тоже хорошая девушка. Вы задали странный вопрос, милорд.

– Я смотрю, вы быстро нашли с ней общий язык. У вас просто талант учителя, Кэтрин делает успехи. Я действительно рад тому, что вам удалось сломить её упрямство.

Антония сдержала вздох, не ответив. С этим ей только предстоит столкнуться.

– А как насчёт вашей поездки в Эдинбург? Вы больше не собираетесь в столицу, к королю?

– Я бы хотела поговорить об этом с вами, давайте присядем.

Они вышли на улицу и, миновав внутренний дворик, прошли к парку, раскинувшегося у крепостной стены замка. Кеннет предложил Антонии присесть на скамью, и когда она расположилась, постаралась объяснить ситуацию попроще, не сильно вдаваясь в детали.

– Я ехала к королю, вот по этой причине, – сказала она и вынула из складок юбки письмо, но прежде чем отдать его, спросила. – А вы, милорд, у кого находитесь в услужении?

– Сейчас я никоим образом не касаюсь службы у его величества. Конечно, я являюсь подданным шотландской короны, но сейчас я всего лишь студент Кембриджского уни-

верситета.

– Тогда прочтите. Это письмо попало ко мне волею судьбы, и я хотела извлечь из него свою выгоду, но теперь даже не знаю, стоит ли.

– Письмо для короля?

Она покачала головой.

– Прочтите.

Взяв письмо из рук Антонии, Кеннет с сомнением взглянул в её лицо. Чем дольше длилось их знакомство, тем таинственнее она ему представлялась. Вот теперь ещё это странное послание. Читать чужую корреспонденцию было дурным тоном, но она практически настаивала на том, чтобы он ознакомился с его содержанием. Преодолевая сомнения, Кеннет взглянул на сорванную печать и почти осыпавшийся сургуч, так что толком разобрать отправителя было невозможно.

– Для кого оно?

Антония рассеянно заморгала, пытаясь припомнить имя, которое назвала ей леди Эссекс, но так как и не собиралась выполнять поручение, то это осталось без внимания. Она смущённо ткнула пальцем в конверт, на котором расплылось объёмное чернильное пятно. Выведенное на конверте имя порядком исказилось, смазалось и практически растворилось от попавших на него во время путешествия дождевых капель, и Кеннет с трудом мог рассмотреть начальные буквы: «Бре...».

Но зато само письмо сохранилось куда лучше. Ровный и

прямой изящный почерк с острыми узкими буквами характеризовал писавшего как сдержанного, рассудительного, но амбициозного человека.

«Милостивый государь,

Спешу уведомить Вас, что торговые дела в северных графствах принимают дурной оборот. В то время как Главный Приказчик во всём полагается на Стюарда-виночерпия, тот втайне собирает артель недовольных кожевников. Ему деятельно помогает старый винодел из Хантли.

Их главная цель — испортить крупную сделку между нашими гильдиями и разорить самого Приказчика. Они намерены вернуться к старым рецептам предков, уповая на кредит от кастильских банкиров и возвращение прежней Хозяйки.

Я имею при себе подписанные счета, подтверждающие их коварство, и передам их Вам при первой встрече. До меня дошли слухи, что они уже нашли своего менялу в Лондоне, но имя его пока скрыто. Молю Вас, решайте дело скорее, дабы сохранить доходы нашей Компании и здоровье Её Милости».

Подпись отсутствовала, но это уже было не столь важно.

Лицо Кеннета омрачилось, и он бросил обеспокоенный взгляд на девушку.

– Что это? Кто дал вам это письмо? Очень странное содержание. И какую выгоду вы намерены получить от этих сведений? При чём тут король?– терзался сомнениями Кеннет.

– Как, «при чём»? Я сама слышала слова этой женщины. В бреду, она постоянно твердила о заговоре, всё повторяла: «Бедный Джеймс, бедный Джеймс! Спасите королеву!», наверное, хотела сказать, короля... а ещё имя... как же его? – Антония закусила губу и зажмурилась, стараясь вспомнить то, что вертелось на языке, но тщетно. Оставив безуспешные попытки, вновь взглянула на Кеннета. – Придя в себя, леди Эссекс дала мне это послание, велев отправить. Я этого не сделала, но милорд... я зря так поступила?

– Леди Эссекс... – задумчиво пробормотал Кеннет. – Леди так заботят торговые дела?

– Вы не слышите, что я вам говорю? В письме всё выглядит так, как будто речь идёт о торговых делах, а по существу это...

– Шифровка? – неуверенно продолжил Кеннет, озадаченно взглянув в её горящие азартом глаза.

– Именно!

– А если вы ошибаетесь?

– Лучше перестраховаться, не так ли, милорд? Я лишь хотела донести до короля то, что случайно узнала, а дальше дело его гвардейцев. Но я уверена, что это не рядовое письмо!

– В таком случае это пороховая бочка, готовая рвануть в любой момент. Вы подвергли себя большой опасности, леди! Знаете, что могло случиться? Вас могли попросту... – он запнулся и после недолгого молчания продолжил: – Леди Эс-

секс, полагаю, подданная королевы Елизаветы. И кому она писала эти строки? Неужто самому министру? Вряд ли. Покровителю? И кто этот... Бр... – Кеннет повертел в руках конверт, пытаясь разобрать на нём имя, но тщетно. – Боюсь, сейчас она уже знает, что послание не доставлено адресату. Скорее всего, вас ищут. Наверняка догадались, что вы прочли письмо. Что же делать? И почему именно сейчас?

– Но король тоже в опасности! Я хотела передать ему письмо, тем самым надеялась на его благосклонность. Я понимаю, что это дело связано с риском, и всё может обернуться против меня, даже если я имею самые благие намерения. Поэтому я обратилась к вам, вам я доверяю.

Кеннет глядел в её чистые, невинные глаза, смотревшие на него с безграничной надеждой. Что он мог ответить ей? Ведь сейчас решается его судьба, и перед ним стоит выбор: либо оставить всё на самотёк, либо забыть про свои нужды и спасти государство.

Очередной мятеж лишь ослабит и без того истерзанную страну, бросив её в хаос. Будет много жертв, вновь реками польётся кровь, невинные люди, едва почувствовавшие стабильность, рискуют поплатиться жизнью из-за чьих-то амбиций. Юный король с рождения был марионеткой в руках мятежных баронов, и ему не хотелось бы, чтобы его ровесник окончил свой жизненный путь, пав жертвой очередного предательства, а он, Кеннет, зная о возможной опасности, смолчал. И как он будет жить после этого?

Антония читала в его взгляде беспокойство, смятение и сомнение. Потому забрав письмо, сказала:

– Простите, у вас и без того проблем хватает. Забудьте об этом.

– Забыть – не выход из создавшегося положения. Надо действовать. Наверное, мне придётся, не откладывая ехать в Эдинбург, и просить аудиенции у его величества.

– Милорд, я надеюсь, это ничем дурным не обернётся... мне немного не по себе.

Он взял в ладони её ручки и, глядя прямо в глаза, произнёс:

– Междоусобицы, заговоры и предательства только разрушают державу, мешая ей поднять своё величие. Моей стране угрожает опасность. Ведь Яков это и есть Шотландия, разве не так? Если повсеместно воцарится хаос, то будет уже не до личных забот. По-видимому, это воля Господа сделать меня посланцем. Быть может, мне не поверят, высмеют, возможно, сочтут шпионом, но... ведь вы будете молиться за меня?

– Конечно, милорд, я буду... – пролепетала Антония, погружаясь в омут его глаз.

– Как вы добры, – прошептал он, целуя её нежные ручки. – Вы вселили в меня надежду на удачу.

Антония снова подняла на него взгляд, и теперь он совсем не соответствовал её покорному виду и был вовсе не таким скромным. Так смотрят только на обожаемого мужчину. Он глубоко проникал в его глаза и затрагивал самые

тонкие струны души. Но через долю минуты густые ресницы спрятали этот бесстыдный взгляд, и она, испугавшись саму себя, посмела отнять руки из его ладоней.

Кеннет поднялся; он был смущён своим поведением: обычно сдержанный, теперь он вёл себя как обезумевший мальчишка. Эти взгляды, прикосновения, лобзания рук. Что подвигло его на это?

Наконец, он поднял взор к её глазам.

– Вы простите мне мой необузданный порыв, миледи?

Антония чуть улыбнулась и с нежностью посмотрела в его глаза. Она хотела возразить, но тут же опомнилась, и теперь сама выглядела ещё более растерянной, чем он. Её простота могла нехорошо для неё закончиться, и она вновь стала серьёзной, поборов в себе все те ответные чувства, вспыхнувшие в ней.

– Конечно, милорд. Нам пора вернуться в замок.

– Возвращайтесь одна, а я сейчас же отправлюсь в путь.

Быть может, ещё не поздно помешать заговорщикам.

– Ваш отъезд станет неожиданностью для леди Кэтрин.

Как мне объяснить?

– По возвращении я сам всё объясню. Надеюсь, моё пребывание в столице не затянется.

– Я тоже надеюсь. С нетерпением буду ждать вашего возвращения, милорд.

Кеннет ласково улыбнулся ей и осторожно взял письмо из её рук. Но тут она неожиданно вцепилась в его рукав.

– Вспомнила! Ботвелл!

– Ботвелл? Тот, кому адресовано письмо?

– Нет, – замотала она головой и выпустила его рукав, устыдившись своего порыва. – «Проклятый Ботвелл... предатель... бедный Джеймс...» — о нём упоминала Эссекс в бреду. Я слышала это, когда приносила воду для леди. С ней была управляющая и лекарка. Управляющая сразу выпроводила меня за дверь! Но я-то слышала...

– Вам опасно покидать Дамфри. Прошу вас, дождитесь меня.

Антония поспешно закивала головой в подтверждение его просьбы.

– До встречи, леди.

Он развернулся и пошёл прочь к конюшням, провожаемый взглядом девушки.

– Я надеюсь, что всё закончится хорошо, – пробормотала она скорее себе, чем ему, и повернула в замок.



Через четверть часа молодой человек уже во весь опор мчался верхом по зелёным равнинам родной Шотландии. Позаимствовав свежую лошадь из конюшни сэра Генри, Кеннет рассчитывал достичь Эдинбурга к сумеркам. Солнце приятно пригревало, и начавшийся день обещал быть погожим.

Лёгкое беспокойство волновало Кеннета. Как он объяснит свой внезапный отъезд? Что он скажет родственникам по возвращении? Ведь он дал слово, что не ослушается отца и заключит с Кэтрин официальную помолвку. Именно за этим он приехал в замок своего дяди. Это была воля его больного отца, и непослушание Кеннета могло огорчить его. Но и остаться равнодушным к судьбе родины он не мог. В конце концов, возможно, Антония права и король окажется великодушен. Он намеревался просить за Антонию. Эта удивительная девушка завладела его мыслями. Он знал её, и одновременно она была для него загадкой, которую так хотелось разгадать.

Кеннет продолжал свой путь, не подозревая, что в замке зреет гроза и он тому причина. Кэтрин отказалась спуститься к столу и попросила Антонию подняться к ней в апартаменты.

С нехорошим предчувствием на сердце Антония исполнила её просьбу и вскоре стояла перед своей воспитанницей.

Девушка ещё не одевалась. В ночной сорочке она полусидела на подушках в постели и пронзала Антонию сердитым взглядом. Выждав неприлично долгую паузу, наконец, спросила.

– Что вы делали сегодня утром в саду, леди Антония?

Антония без труда догадалась: она решила, что Кеннет гулял с ней. Это было так, но волноваться Кэтрин было не о чем. И всё же, Антония сомневалась, что ей удастся пере-

убедить упрямыцу.

– Я прогуливалась леди и разговаривала с сэром Кеннетом. Но вы совсем зря сейчас воображаете невесть что. Меня милорд не интересует, в том плане, в каком он нужен вам, – выпалила она.

– Именно поэтому он уехал сразу же после общения с вами? Вы что, сделали это специально?

– Как только он вернётся, то, несомненно, всё объяснит. Простите леди, это тайна не моя, и я не смогу открыть причину его отъезда.

– Что он может объяснить?! – не сдержалась Кэтрин, и её голосок гневно зазвучал под сводами спальни. Она поднялась и, сложив руки на груди, подошла к Антонии. Её голос был более спокоен, когда она продолжила: – Вы сделали всё так, чтобы сорвать готовящееся торжество. Моя помолвка с Кеннетом не состоится по той простой причине, что он отсутствует.

«Так вот, о чём переживал Кеннет», – промелькнуло в мозгу у Антонии.

– Он скоро вернётся.

– И что потом? Вы снова станете обхаживать его? Я ведь предупреждала вас!

– Нет, не стану! – отрезала Антония. Тон воспитанницы стал раздражать её. – Я не хочу повторяться, но придётся: сэр Кеннет всего лишь друг для меня и не более. Он прекрасный человек, и я обязана ему за помощь. Мне жаль, леди, что вы

стали жертвой своей буйной фантазии!

– Ну да, – фыркнула Кэтрин, опускаясь в кресло. – Я видела собственными глазами, как он целовал вам руки! Или это тоже моя фантазия?

Антония не нашлась, что сказать в своё оправдание, и Кэтрин начала ощущать себя победительницей.

– Молчите. Что между вами было? Вы его любовница? Лучше признайтесь сразу.

Антонии вдруг захотелось сказать: «Да, да! Я его любовница!», но она сдержала себя только ради Кеннета.

– Вы ошибаетесь, и ваши упрёки для меня оскорбительны. Я буду вынуждена покинуть замок сейчас же, если вы не прекратите свои обвинения, леди!

– Будьте уверены, я останусь вам только благодарна за это! Но... Ваш друг и покровитель – сэр Кеннет огорчится, если не застанет вас здесь по возвращении, – съехидничала Кэтрин, едва сдерживаясь, чтобы не выгнать компаньонку вон из комнаты. – А я очень люблю своего кузена и не хотела бы огорчать его всякими мелочами. Поэтому вы останетесь здесь до его возвращения, а когда он вернётся, мы вместе решим, что с вами делать, – заключила она.

Антония видела по выражению глаз собеседницы, насколько глубоко затронуты её чувства и уязвлено самолюбие. Ей казалось, что Кэтрин едва сдерживается, чтобы не растерзать её на мелкие кусочки. Гнев тот был вполне обоснован, она умирала от ревности, а значит, её чувства абсолют-

ны и искренни. Она любила Кеннета и не желала его делить с другой. Или это всего лишь детская прихоть? Каприз? Антония не видела ответа. Её горячим желанием было сейчас же уехать из замка, но она заставила себя успокоиться. Просто впредь нужно быть чуточку благоразумнее, да и Кеннету она обещала... Дело, с которым он отправился с её подачи в столицу, было более значимым, чем глупости юной ревнивицы. Потому ей нужно дождаться его возвращения, узнать, как обстоят дела, и убедиться в благополучном исходе.

Посчитав разговор оконченным, Антония ничего не ответила на претензии. Присела в книксене и покинула комнату, отправившись к себе.

Через день после этих событий Кеннет находился в столице, пытаясь добиться аудиенции у Якова VI. Он рассчитывал, что громкое имя предков и годы службы отца при дворе помогут ему пробиться сквозь толпы осаждающих королевскую приёмную. Всё утро и день прошли в томительном ожидании не принёсших никаких результатов. Близился вечер, но к королю его так и не пригласили. Кеннет тщетно пытался объяснить камергеру монарха о важности своего визита, скрывая, однако, саму причину. Он не мог быть столь неосмотрительным, чтобы первому встречному говорить о письме государственной важности.

Отчаявшись получить сегодня пропуск к королю, Кеннет покинул приёмную в восемь вечера и не спеша направился

из дворца, размышляя, что нужно сделать, чтобы завтра его не постигла неудача вновь. Ведь промедление опасно. Не торопясь, он миновал людные галереи дворца и свернул на боковую лестницу. Сейчас ему предстояло покинуть резиденцию Стюарта и отправиться на ночлег в близлежащую гостиницу.

Полумрак на лестнице слабо рассеивали свечи, горящие вдоль стены, потому он осторожно ступал по крутым ступеням, погруженный в свои мысли. Он уже спустился на одну из площадок, как раздавшийся внезапно тихий шум за спиной заставил его резко остановиться и обернуться. При виде таинственных тёмных фигур, отделившихся от стены, он непроизвольно опустил руку на эфес шпаги и замер.

Двое мужчин в чёрной одежде вышли ему навстречу и одновременно позади себя он услышал шорох, обернувшись на который увидел ещё фигуру. Для Кеннета всё происходящее было необъяснимым, все эти люди, казалось, появились из стен. Он терялся в догадках и не мог объяснить, чем заинтересовала его персона этих незнакомцев. О письме и о том, что оно у него, знал только он и Антония. И при этом никто не присутствовал. Выходит, дело совсем не в письме, а в нём самом. Но кому он успел перейти дорогу – Кеннет не знал.

Грабёж во дворце короля? Нет, тут дело посерьёзнее. Быть может, произошла ошибка, и караулили совсем не его? Призвав всё своё самообладание и спокойствие, он, молча, ждал действий от незнакомцев. Ему сейчас ни к чему было зате-

вать ссору, пока письмо было при нём, он должен быть предельно осторожен, ведь в перепалке оно может достаться изменникам.

– Сэр Макдауэл? – раздался голос за спиной.

Кеннет слегка повернул голову к говорившему.

– Верно. Кто вы и что вам нужно?

– Что вам нужно у его величества? Отвечайте! – Требовательно прозвучал голос впереди стоявшего, и Кеннет заметил, что тот так же, как и он, сжал эфес шпаги. Кеннету показалось, что он уже видел этого неприятного долговязого мужчину среди придворной толпы.

– Это я скажу лично самому королю. Вас же не имею чести знать, сударь!

– Хорошо, – бросил холодно он. – Скажете это его величеству лично, а пока, вы арестованы именем короля! – произнёс он торжественно, и двое других принялись теснить юношу. – Прошу следовать за нами.

Всё это показалось Кеннету странным, этот арест был более чем внезапен. Что-то ему не нравилось в происходящем. Он не отвечал, и двое продолжали наступать. Было ясно, что если он откажется повиноваться, его атакуют. Но не это беспокоило Кеннета, он мог попытаться вырваться. Его сдерживало то, что на руке говорившего в мрачном свете свечей он заметил сверкнувший рубин, венчающий массивное кольцо, которое не раз уже привлекало его внимание, когда он томился в приёмной. Это, похоже, и впрямь один из прибли-

жённных короля, находившихся в его свите, но также это мог быть один из заговорщиков.

– Назовите ваше имя, я должен знать, кому я отдам своё оружие.

– Лорд Брэндауэл, исполняющий волю его величества. Вы в этом скоро убедитесь, без сомнения. Король заинтересовался вашей персоной, причину задержания он объяснит вам лично. Прошу вашу шпагу, сударь.

Отдать шпагу? Арестован? Именем короля? Так где же гвардейцы?

Всё это не укладывалось в голове. Про письмо ни слова... или это ловушка? Лорд Брэндауэл... Это имя он слышал от отца, но никогда не встречался с этим человеком лично. Никаких гарантий, что этот человек не лжёт. И всё же было одно основание, которое обязывало Кеннета смириться, то, что имя этого человека не было указано в письме, но фамилия весьма походила на фамилию адресата. Ещё он был из свиты его величества. Но давало ли это сто процентов его непричастности к заговору?

Кеннет осторожно вынул шпагу, собираясь сдать, но в следующий момент изменил решение и сделал выпад. Его удар был отражён, завязалась схватка.

Теперь во что бы это ни стало, Кеннет намеревался прорваться назад, в приёмную, и пусть там ему предъявят обвинения, а не здесь, в тёмном уголке. Пусть немедленно король выскажет своё неудовольствие в его адрес – он выслушает.

Это лучше, чем томиться в ожидании и неизвестности.

Соперники оказались сильные и умелые фехтовальщики, но ему удалось одного спустить с лестницы, на которой начался бой. Прижимаясь спиной к стене, чтобы избежать падения сзади, он парировал посыпавшиеся на него удары двух противников. Используя ловкий манёвр, оказался выше на несколько ступеней, отступая, как и планировал, в сторону приёмной короля. Он уже чувствовал, что его задумка удастся, когда нечто заставило его рухнуть на колени, а затем безвольно скатиться по ступеням на нижнюю площадку.

Он не учёл, что у этих троих были ещё сообщники и, отступая, обращённый к ним спиной, он оказался лёгкой добычей. Уверенный удар по затылку заставил его отключиться.

Когда он пришёл в себя, голова нестерпимо раскалывалась, он мог испытывать только боль. Никаких мыслей. Чувствуя себя прескверно, простонал, едва приподняв веки, чтобы осмотреться. Место, где он оказался, не было похоже на тюремную камеру, но и до роскошных апартаментов тоже явно недотягивало; это была небольшая комната со всей необходимой мебелью, кровать, на которой он себя обнаружил, стол и стул: всё, что составляло убранство его пристанища. Кеннет заставил себя приподняться и сесть на кровати, свесив ноги. Ему с трудом удалось воссоздать картины недавнего прошлого: приёмная короля, снующие придворные, лорд Брэндауэл, стычка на лестнице и чёткий удар, лишивший его

сознания. Он не знал, как много часов прошло, и даже не представлял, какое сейчас время суток, потому что в этой комнате отсутствовало окно, и только догорающая свеча на столе слабо освещала помещение.

Скрипнул засов, и в комнату вошёл человек, принёсший ему обед.

– Эй, милейший, – окликнул его Кеннет, но тот, сделав вид, что ничего не слышал, оставил миску с едой и кружку на столе, спеша удалиться.

Кеннет хотел его остановить, но при резком движении вновь почувствовал слабость и повалился на постель, чертыхнувшись. Есть совсем не хотелось, а вот пить...

Помедлив, он тяжело поднялся и залпом осушил кружку воды, чтобы утолить жажду, терзавшую его.

Постепенно он стал трезво мыслить, и тут же вспомнил о письме. Заглянув за отворот рукава камзола, убедился, что оно на месте. Это показалось ему странным. Те люди, если они охотились за письмом, без труда могли отнять его, когда он был без сознания; вместо этого они притащили его сюда, не тронув ценную бумагу. Быть может, он и впрямь ошибался на их счёт, и все их претензии были адресованы ему лично, и тот документ, что был при нём, совершенно не интересовал их. Любопытно, чем это могла привлечь таких важных людей его персона – раздумывал юноша, наблюдая, как догорает свеча. Он стал перебирать все свои проделки за последнее время, но так и не нашёл ничего заслуживающего

внимания монаршей особы. Оставалось одно – письмо.

Кеннет ненадолго задумался, бросив вдумчивый взгляд на скудный паёк, затем – на рукав, где хранилось послание, и принялся озираться по сторонам, прикидывая, где можно припрятать на время компрометирующую бумагу. Он долго приглядывался к разного рода углублениям, неровностям, шаткой кладке, где осыпалась штукатурка, и наконец, нашёл подходящее местечко.

Когда с делом было покончено, он, успокоившись насчёт письма, преспокойно уснул, ведь, в конце концов, ему обещали встречу с королём.

Его вновь потревожил скрип отворяемого засова и последовавший шум распахнувшейся двери. Приоткрыв глаза, он сощурился от брызнувшего в комнату света.

– Письмо! Оно у вас?

По голосу он понял, что его посетитель не кто иной, как вчерашний знакомый, лорд Брэндауэл. Когда его глаза привыкли к свету, он убедился в этом. Длинный, тощий, с колючим пронзительным взглядом, бившим прямо в него из-под надвинутой на лоб шляпы, он мог сойти за злобного тролля из комической пьесы, но, к великому сожалению Кеннета, всё, что происходило ныне, мало напоминало театрализованное представление. Этот господин пришёл в сопровождении одного из своих подручных, который держал в руке фонарь, освещая путь.

Кеннет молчаливо смотрел на собеседника, окидывая его

оценивающим взглядом. При упоминании о письме он напрягся, разного свойства сомнения стали одолевать молодого человека.

– Вы обещали мне аудиенцию с его величеством, но я до сих пор нахожусь под стражей по причине, мне неизвестной.

– Она известна вам более чем. К нам поступили сведения относительно письма, находящегося у вас. Либо вы отдадите добровольно, либо придётся обыскать вас!

Письмо! Всё-таки письмо! Откуда у них информация о нём? Неужели Антония предала его? Но зачем? Он отказывался в это верить, но факты говорили за себя. Ведь кто-то сказал этому человеку, что бумага у него, и если это не Антония, то кто? А если он тот самый связной? А если нет?

Было ясно что, так или иначе, Кеннету не поздоровится – кем бы ни оказался Брэндауэл. Неужели эти люди – заговорщики? Что же будет с королём, со страной?

Если же связной, то он вправе обвинить его в пособничестве Антонии и приписать измену. Если так, то ему не выйти отсюда живым. Никакие оправдания не помогут.

Он почувствовал, что холодок пробежал по спине. Приподнявшись в постели, Кеннет упрямо смотрел на вошедших.

– Вы не посмеете обыскивать меня, я дворянин! – Пытался он отстоять свои права, чувствуя нарастающее беспокойство.

Помедлив, поднялся, решив защищаться, если потребует-

ся.

– Отдайте письмо, сударь.

– О каком письме речь? Потрудитесь объясниться.

– Не будем тратить время понапрасну, сударь. Мы оба знаем, что это письмо у вас.

– Вот как? В таком случае, если вы знали, что некое письмо у меня, то почему не взяли его, когда я был без сознания.

– Позвольте мне решать, когда и при каких обстоятельствах требовать от вас повиновения монаршей воле!

– Вы обещали мне встречу с королём! Так вот чего стоит слово лорда Брэндауэла!

– Его величество требует это письмо!

– А я требую аудиенции его величества!

– Вы настроены решительно, сэр Макдауэл, но думаю, у вас хватит ума не усугублять своё положение. Вы ведь не желаете оставаться под стражей долгое-долгое время. Разумеете, наконец, что через минуту моё терпение закончится, а вы подвергнетесь унижительному обыску.

– Вы решитесь на это? Вы прибегните к этой гнусности, не дав дворянину защитить свою честь с оружием в руках ценой своей жизни? Дайте мне шпагу, и когда моя душа оставит это тело, вы со спокойной совестью обыщите меня.

– Разве государственным преступникам дают шанс защищаться? Юноша, не смешите меня. Итак...

– Вы меня обвиняете? – Кеннет не верил своим ушам. Если дело обстоит так, то ему уж точно отсюда не выбраться.–

Могу я знать в чём?

– Позднее. Итак, позвольте письмо!

– Ищите, – усмехнулся Кеннет. – Если найдёте, оно – ваше.

Брэндауэл кликнул стражника, и тот через секунду появился в дверях. Кеннет с упрямым неповиновением стоял, не двигаясь. Тот приблизился к Кеннету, с явным намерением обыскать его, и юноша отступил, с презрением переводя взгляд с одного на другого. Но внезапно намерения стражника изменились, он решил отодвинуть кровать, на которой только что лежал задержанный.

– Что это? – забеспокоился Кеннет, напряжённо за ним наблюдая.

Ему не ответили. Когда он понял, что его уловка раскрыта, он просто вскипел от негодования. Как он мог подумать, что его оставили просто так в этой комнате? Его оставили, чтобы убедиться, что письмо при нём, а он, глупец, не понял, что за ним наблюдали всё это время! Но как? В комнате был мрак! Как они могли догадаться, что он проковырял в стене, к которой была придвинута кровать, отверстие и спрятал письмо там, залепив дырку хлебным мякишем?

Осознание своей неудачи взбесило его, и он бросился на стражника, замахнувшись на него стоящим рядом стулом, но ему помешали. Он забыл, что Брэндауэл пришёл не один, сопровождающий приставил Кеннету в спину остриё клинка.

– Успокойтесь, юноша.

Кеннет чувствовал себя самым ничтожным человеком на

свете, когда доверенное ему письмо было изъято, а он опозорен. В последнем порыве он кинулся, чтобы исправить свою ошибку, но укол шпагой, поразившей его в плечо, заставил остановиться. Обесчещенный, безоружный, истекающий кровью, он остался в тёмной комнате один, со своими страданиями.

Кто же эти люди? Действительно ли они действуют во благо короля? Или же всё обман? Почему его оставили в живых? Почему не прикончили на месте? Он был им ещё нужен, быть может?

5 Глава. Что не делается, всё к лучшему

Прошло уже четыре дня с тех пор, как Кеннет уехал по таинственным обстоятельствам. Тревога Кэтрин всё возрастала, и она часами не отходила от окна, ожидая своего жениха. Наконец, её терпению пришёл конец, и она с решительными намерениями отправилась в комнату Антонии требовать объяснения.

Антония же все эти дни не переставала молиться, её сердце сжималось от тревоги, и мысли были полны только Кеннетом. Если с ним что-то случится, она не простит себе ни в жизнь.

Её мысли оборвались, когда вошла Кэтрин. Антония застыла посреди комнаты, которую только что нервно мерила шагами, стойко встретив суровый взгляд, которым окинула её девчонка.

– Леди, Кэтрин?!

– Я пришла, чтобы серьёзно поговорить с вами, и не уйду, пока не получу ответа на вопрос.

– Я догадалась, о чём вы желаете говорить. О Кеннете. Мне жаль, леди Кэтрин, но пока ещё я не могу вам что-то сказать, надеюсь, что он вот-вот вернётся. Ещё есть время, и наверное, пока не стоит волноваться. Смотрите, погода ис-

портилась, это может его задержать.

Антония подошла к окну, взглянув на низкое серое небо. В воздухе пахло грозой. Природа как бы затаилась, погрузив всё вокруг в звенящую тишину, и только отдалённый звук ударов молота о наковальню из кузни, звонко разносился по округе. Где-то вдалеке сверкнула молния, и послышался глухой, едва различимый раскат грома.

Нет, она не сможет открыть Кэтрин ничего. Это опасно для неё, Кеннет так сказал. Она не должна вовлекать в это дело девчонку.

– В какую авантюру вы втянули моего Кеннета, леди?! – гневно топнула ножкой Кэтрин, повысив голос на свою строптивую компаньонку.

Антония поджала губы, чтобы не осадить её, и набралась терпения. Когда она повернулась, глаза её светились решительным блеском.

– Хорошо. Если до завтра сэр Кеннет не вернётся, я вам всё расскажу.

– Я устала ждать! Возможно, он немедленно нуждается в помощи, но ждать её не от кого!

– Успокойтесь, леди, возможно, волнения напрасны. Он вот-вот вернётся, вот увидите.

Наблюдая такое упрямство, Кэтрин, резко развернулась, покидая комнату. Ей совсем не хотелось винить Антонию перед родителями, хотя была уверена, что им-то она точно всё выложит, стоит только надавить, но тогда при возвраще-

нии, Кеннет обозлится на неё. Ведь он так трепетно относится к новой знакомой! Кэтрин сердилась невероятно.

Нервно сжимая в руке батистовый платочек, она решительно зашагала в свою комнату, расположенную рядом, напряжённо думая о сложившейся ситуации. Ей пришлось уступить, чтобы в будущем не рассориться с женихом, но предчувствия у неё были недобрые. Она догадывалась, что всему виной эта девушка и что это ещё не конец.

Всю ночь бушевала сильная гроза, громыхал гром, и яркие вспышки молний освещали сжавшуюся фигурку девушки, сидящей на постели. Она не могла уснуть, думая о Кеннете. Где он? Возможно, вот так же ждёт, когда закончится этот жуткий ливень, а рано-рано утром въедет в ворота замка?

Она снова стала просить Бога заступиться за него, надеясь, что завтра он вернётся. Антония дала себе слово, если к вечеру он не приедет, то сама отправится к королю. А вот относительно того, стоит ли открывать тайну Кэтрин, она ещё не решила.

Утро выдалось на удивление ясным и тёплым. Густой туман прорезали яркие солнечные лучи восходящего солнца, окрашивая чистый небосклон в нежные розовые оттенки. С каждой минутой пелена тумана постепенно рассеивалась, и очертания поросших кустарниками возвышенностей, уже не казались такими призрачными. Потихоньку горизонт прояс-

нялся, и взор мог легко охватить близлежащие уголья и извилистую дорогу, бегущую меж холмов напрямик к воротам крепости, на которую с надеждой взирали две пары девичьих глаз.

Спозаранку Кэтрин явилась в спальню Антонии, чтобы выяснить, наконец, правду. Но та попросила ещё подождать, надеясь в окне вот-вот увидеть приближающегося всадника. Девушки не знали, чем занять себя, и учёба, и шитьё казались невыносимыми в такой тягостной атмосфере, а одиночество – тем более. Потому Антония приняла предложение Кэтрин прогуляться верхом.

Роса блестела изумрудными каплями на листьях небольшой рощицы, по которой брели лошади, пощипывая свежую зелень. Звуки утреннего леса очаровывали: шелест листвы от дуновения гуляющего ветерка, пение разноголосых птиц и... ржание лошади, где-то поблизости.

Тонкий слух Кэтрин уловил этот звук, и она замерла, натянув поводья своей лошадки.

– Кеннет... Это должно быть он. Это ржал его жеребец! – воскликнула девушка, выводя Антонию из задумчивости. Немешкая, она направила свою лошадь туда, откуда доносилось ржание. – Кен!

Сердце Антонии гулко забилося, и она поспешила вслед за своей подопечной, возбуждённой и окрылённой надеждой. Но через несколько секунд личико Кэтрин приняло недоумённое выражение. Посреди лужайки пасся великолепный

гнедой конь и изредка тыкался носом во что-то лежащее рядом. Девушкам пришлось подъехать ближе, чтобы понять, что это, увы, был не Кеннет. В траве лежал парень, примерно одного возраста с Кеннетом. Он явно был без чувств. Густые чёрные волосы, обрамлявшие бледное лицо, на котором запеклась струйка крови, всё ещё сочившаяся из раны на виске, были влажными, как и вся его одежда, промокшая до нитки.

Кэтрин позволила себе подъехать ближе, хотя спешиться не торопилась, с опаской поглядывая по сторонам. Она чувствовала, как бешено колотится её сердечко, норовя выскочить из груди. Наверняка это дело рук разбойников, заполнивших округу.

– Леди Антония, мне страшно, – призналась она.

Мёртвые тела были её детским кошмаром. Пожалуй, это было единственное, перед чем она откровенно робела.

– Не бойтесь, леди, – попыталась успокоить её Антония, которая не испытывала страха. Бесчувственное тело лишь вызвало в ней неприятные эмоции, и только. – Он не знаком вам, леди Кэтрин? Как он оказался в ваших владениях?

Она спешила, но приблизиться к телу не решалась.

– Я впервые вижу его. Но в том, что он дворянин, нет никакого сомнения – достаточно взглянуть на его лошадь, она стоит целое состояние. И одежда его весьма изысканного вкуса, – отозвалась Кэтрин, окинув взглядом незнакомца.

На нём был добротный дорожный костюм из тёмного сук-

на с начищенными серебряными пуговицами и белоснежная батистовая рубашка, манжеты и ворот которой выглядывали из-под камзола, расшитого серебряной нитью.

– Будьте осторожны, леди Антония. На нас могут напасть, как напали на этого господина, и вы не успеете вскочить в седло.

Пока Кэтрин давала ей наставления, Антония решила приблизиться к незнакомцу и, присев рядом, осторожно взяла в руку его запястье, пытаясь уловить пульс.

– Он жив, леди, – тихо сказала Антония, взглянув на спутницу.

– Жив? Что же нам делать? Не везти же в замок.

– Леди, а вдруг он вёз вести от сэра Кеннета, – вдруг предположила Антония. – Раз вы его не знаете, может случиться так, что он из Эдинбурга.

– А если нет? Он мог просто заблудиться. Вспомните вчерашнюю грозу, – напомнила Кэтрин, но, успокоенная решительностью компаньонки, спешила, опустилась рядом с незнакомцем, напротив Антонии и, глядя в его лицо, добавила: – А он красив.

Черты юноши и в самом деле вызывали восхищение, они были изящны и тонки. Чёрные изогнутые брови и неподвижные ресницы сомкнутых глаз, прямой идеальной формы нос, зовущие слегка приоткрытые губы. Кожа щёк, гладкая и белая, была покрыта лёгкой щетиной, свидетельствующей о том, что он, вероятно, проделал долгий путь. Весь его облик

располагал к доверию и не внушал опасений, и тем не менее Кэтрин отчего-то не желала его появления в своём замке.

– Что делать, леди? – спросила Антония, находясь в растерянности так же, как и Кэтрин. – Мы не можем позволить ему умирать, кем бы он ни был. Он весь ледяной... ему нужна помощь, – заключила она, отпустив его руку.

Кэтрин искоса взглянула на неё, прекрасно понимая намёк, ведь Антония сама была гостьей в замке и не могла настаивать на том, чтобы принять несчастного в Дамфри. Она ждала, когда наследница сама предложит привезти юношу в безопасное место.



– Ну, хорошо, хорошо. Я согласна помочь, но как? Мне придётся ехать за подмогой. Вы останетесь с ним одна?

Антония откровенно боялась. Почему-то теперь стало страшно и ей. Но жалость переборола, и она кивнула.

– Хорошо, я постараюсь не задерживаться, – пообещала

Кэтрин, поднимаясь и подобрав юбки, прошла к лошадке. Уже уезжая, она обернулась и вдруг заявила: – Если Кеннет сегодня вернётся, я скажу, что это ваш поклонник, таково моё условие, леди, – с этими словами она поспешила за подмогой.

Антония встала рядом со своей лошадью, прислонившись к её шее, так она чувствовала себя увереннее. Теперь она молила Бога, чтобы Кэтрин поскорее вернулась, потому что с каждой минутой ею всё больше овладевала необъяснимая тревога.

Вскоре всё было позади, Кэтрин подняла такую суматоху, что все обитатели замка засуетились, готовясь принять несчастного. Юношу поместили в удобную, светлую комнату, и он тут же был доверен заботе личного доктора семьи.

Выполнив свой человеческий долг, девушки сидели в комнате Кэтрин, в напряжённом ожидании. Кэтрин первая нарушила молчание.

– А если он умрёт?

– На то воля Бога, – вздохнула Антония.

Эта покорность вызвала у девушки негодование, сверкнувшее в глазах.

– Я не для того пережила столько страха! Я не желаю, чтобы он умирал в моём доме! Если вашему Богу было угодно, чтобы этот несчастный отдал ему душу, то ему не стоило вести нас к месту его гибели! Если ему было суждено умереть,

нужно было оставить его там. И вообще, что я скажу Кену? Он будет злиться, если узнает, что по моей инициативе этот мужчина был доставлен в замок.

– Леди Кейт, я так не думаю. Уверена, сэр Кеннет на вашем месте поступил бы так же. Он милосерден... более чем... – она замолчала, так как в дверях появилась Анна, с известием, что доктор недавно вышел из комнаты пострадавшего и объявил барону, что ранение не столь серьёзно. Гораздо опаснее было оставить его в бессознательном состоянии в мокрой одежде, он мог сильно простудиться, но теперь его жизни ничего не угрожает. Он чувствует себя намного лучше, хоть и пылает от жара.

Кэтрин жестом велела ей уйти и вновь обратилась к Антонии.

– Оставим этого несчастного и вернёмся к Кену. Уже время ужинать, а его всё нет. Вы помните о своём обещании?

– Да.

– Ещё немного, и вы мне всё расскажете.

Антония ничего не ответила, сомневаясь, стоит ли ей это знать.

Внезапный отъезд Кеннета был воспринят с удивлением и родителями Кэтрин, но они также скрывали тревожность за приветливой улыбкой. Все задавались вопросом, какая причина заставила молодого человека так неожиданно сорваться и умчаться, никого не известив. Но каждый раз, когда вопрос касался этой темы, Кэтрин сурово взирала на компаньонку,

а та отводила взгляд, помня о том, какую опасность может нести знание о содержании письма, побывавшего в её руках.

И этот день не принёс облегчения. Разница с предыдущими была в том, что он пролетел из-за суеты в замке, вызванной утренним происшествием.

Смеркалось, на синем небе зажигались звёзды, пришедшие на смену красному солнышку. Девушки сидели молча у окна, в спальне Кэтрин, с напряжением вглядываясь вдаль, лелея лишь одну надежду – заметить знакомый силуэт. Но сумерки плотной пеленой окутали округу, и даже робкий свет восходящего месяца не мог рассеять эту мглу. Ворота давно были наглухо закрыты, и часовые вальяжно расхаживали по крепостной стене.

Тяжёлый вздох Кэтрин нарушил тишину.

– Он не приехал.

– Кеннет повёз письмо большой важности, к королю. Это письмо было у меня, в нём содержались сведения, касающиеся его величества. Кеннет посчитал это слишком серьёзным, чтобы откладывать, и уехал просить об аудиенции. Мы не предполагали, что поездка задержит его надолго.

– «Мы»? Он решает дела такой важности с вами? Ни с отцом, ни с родными, а с вами? Надо же! Это письмо опасно? Что в нём? – заинтригованная, Кэтрин с азартом смотрела в лицо собеседницы.

Антония чувствовала, Кэтрин не отвяжется, пока не выудит то, что ей нужно, потому решила, чуточку соврать, на-

десять что Бог простит ей этот грех.

– Нет, оно не опасно. Напротив, оно могло бы возвысить Кеннета в глазах короля, так как письмо было государственной важности. Я не искушена в этих вопросах, потому те высокие высказывания и имена не запомнила.

– Имена... – растерянно пробормотала Кэтрин, совершенно не понимая, что такого могло быть в этом письме, способном, как говорит Антония, возвысить своего подателя. – Вы уверены, что ему не грозит опасность?

– Уверена. Просто какие-нибудь дела могли его задержать. Вы же понимаете, как тяжело добиться встречи с королём.

– Я хочу поехать в Эдинбург. Я хочу в столицу, мне надоела провинция, – закапризничала Кэтрин, желая любым способом выбраться из замка и отправиться на поиски кузена.

– Я тоже поеду. Надеюсь, мы его найдём там.

– Я найду его там! А вы, леди Антония, останетесь присматривать за больным. Или вы забыли, что являетесь его дамой?

– Я не его дама леди Кэтрин.

– Хорошо, – с лёгкостью согласилась она и, поднявшись, добавила. – Но это не мешает вам проведать несчастного. Вам несказанно повезло, и вы можете испытать своё умение составлять снадобья на нём.

Антония чувствовала, что девчонка, что-то замышляет. Её выдавал весёлый, беззаботный тон. Но не успела она

опомниться, как Кэтрин схватила её за руку, заставляя подняться, и повела за собой.

Преодолев приличное расстояние, Кэтрин твёрдым шагом завернула в комнату больного и, открыв двери без стука, решив, что только потревожит несчастного, вошла, таща за собой Антонию. Помня слова Анны, о том, что юноша едва пришёл в себя, она ожидала увидеть его без сил в кровати, но постель была пуста!

Озадаченно нахмутив брови, Кэтрин окинула комнату взором и наткнулась на такой же удивлённый взгляд молодого человека, блестевшего из-под взлохмаченных волос. Незнакомец застёгивал шёлковую рубашку, которую ему принесла Анна, предварительно выстирав и высушив её.

На миг Кэтрин опешила от неожиданности, она ведь рассчитывала застать его немощного в постели и совсем позабыла, зачем пришла, и что намеревалась сказать. Он показался ещё красивее, чем утром, той гипнотической красотой, от которой невозможно отвести взор, даже при всём желании.



В этот момент время будто остановилось, и воздух вокруг стал каким-то плотным, горячим, а в лицо словно повеяло морским бризом. Несколько мгновений она как заморожен-

ная стояла и смотрела на него, хлопая ресницами, потом выпустила руку Антонии и покосилась на неё, ища поддержки в этой щекотливой ситуации.

Юноша сделал несколько шагов навстречу. Остановившись перед растерявшейся Кэтрин, он вдруг взял её руку в свою ладонь и поднёс пальчики к губам, после чего вновь взглянул в её лицо, и девушка смогла разглядеть, его глаза – серые, как вчерашнее грозовое небо.

– Я должен поблагодарить вас. Ведь вы и есть тот ангел, который спас меня.

– Кто ангел? Я ангел? – переспросила она, приподняв брови и изящно отняв ручку. Кэтрин подумалось, что он и впрямь бредит. Она попыталась скрыть своё смущение показным безразличием. Отчего-то ей вдруг захотелось провалиться сквозь землю, едва она подумала, как откровенно пялилась на него пару минут назад. И чтобы как-то увести его внимание от себя, перевела разговор на спутницу. – Вы ошибаетесь. Вот та, что спасла вам жизнь, – добавила она, улыбаясь и взяв Антонию за руку, представила юноше. – Это леди Антония, и именно ей вы очень обязаны, поверьте.

– Но доктор говорил мне о вас.

Он слабо улыбнулся, оправдываясь и взглянув на Антонию, также выразил ей свою признательность, после чего последняя поспешно отступила за Кэтрин, лишь пробормотав:

– Мы очень рады, что вы поправляетесь, сударь.

Кэтрин быстро оправилась от странного наваждения, на

короткое время овладевшего ею, когда его глаза проникли, казалось, в самую душу. Она не понимала, что могло заставить смутиться её, никогда прежде не страдавшую излишней скромностью.

– Доктор что-то напутал. Леди Антония очень переживала за вас, но теперь самое страшное позади. Я со спокойным сердцем, доверю вас её заботе, и уже через день-другой, вы почувствуете себя заново родившимся, ведь она знает секреты врачевания. Ну, я оставлю вас. Извините, но мне нужно пораньше лечь в постель, завтра рано вставать. Спокойной ночи, сударь, – прощбетала она, спеша уйти прочь и оставить их наедине. Воспоминания о неловкой ситуации, когда она словно дурочка стояла разинув рот, гнали её поскорее ретироваться. Она тайно надеялась, что Антония увлечётся незнакомцем и перестанет думать о её женихе.

Антония бросила взгляд на юношу. С одной стороны, ей очень хотелось последовать за Кэтрин, с другой, она понимала, что это будет выглядеть некрасиво по отношению к гостю. Он, в свою очередь, поглядывал на неё, и его взгляд отчего-то совсем не нравился Антонии.

– Ваша хозяйка очень экстравагантна.

– ...Что? – Похлопала ресницами Антония, чем вызвала улыбку на губах незнакомца. Он сделал жест, предлагая ей сесть, раз она осталась. И без труда завёл разговор, хотя Антонии не терпелось броситься вслед за покинувшей их Кэтрин.

Поздним вечером Антония заглянула к Кэтрин. Та не спала, любопытство не давало ей сомкнуть глаз, и она вертелась с боку на бок, всё ещё находясь под впечатлением от встречи с незнакомцем. Как-никак не каждый раз приходится спотыкаться о таких красавцев. И теперь, оставив соперницу наедине с ним, она гадала, что же из этого выйдет. Заинтересуется ли Антония новым кавалером или продолжит вздыхать по Кеннету?

Услышав шум открывающейся двери, она приподнялась, взглядываясь в полумрак, царивший в той части комнаты, где была дверь. Зато Антония без труда разглядела оживлённое личико девушки, озарённое свечами, стоявшими на ночном столике. Антония шмыгнула внутрь и присела на край постели, прищунив глаза, смотря на Кэтрин.

– Стоит ли мне говорить, что вы поступили скверно, леди Кэтрин? Что же вы не спите?

Девушка весело рассмеялась, глядя на неё.

– Мне не хочется. Честно говоря, меня сжигает любопытство. Он красив, да? Ну, скажите, он нравится вам?

– Нравится. Он оказался приятным человеком, и очень воспитанным, в отличие от некоторых...

Кэтрин села в постели, откинув одеяло и обхватив колени руками, уткнулась в них подбородком. Весёлое выражение не сходило с её личика.

– Ну, расскажите мне, о чём вы говорили? И действитель-

но ли он от Кеннета, как вы предполагали?

– Нет, увы. Он едет в столицу на венчание к своему другу, вероятно, с самой Англии. Представился он как Лотёр де Тальви, и рассказал о происшествии, когда я попросила. Не было там никаких разбойников, леди Кейт, просто он ехал всю ночь, и негде было остановиться на время грозы. Он заблудился, неверно съехав с дороги. Вероятно, так и попал в рощу. Дальше он совсем не помнит, что произошло. Может быть, сильный раскат грома напугал коня, и он понёс... парень получил ранение при падении. Он был там с самой ночи, и наверняка бы умер... он вновь рассыпал благодарности. И кстати, сказал, что вы леди экс...экстравагантны. И ещё вы так спешили спихнуть меня ему, что позабыли элементарную вежливость – представиться!

– Разве я нуждалась в представлении? Он был так уверен, что его спасительница – я, и что доктор говорил обо мне... значит, он имел представление, кто перед ним. Да и к чему все эти тонкости, он об этом уже и не помнит. Кстати, я рада, что вы понравились друг другу, – призналась Кэтрин, задумавшись над рассказом Антонии. Уж очень её смущал тот факт, что такой важный господин путешествовал один, тем более на венчание к другу.

– Когда мы поедем в Эдинбург? – вдруг спросила Антония.

– Я поеду в Эдинбург, – поправила её Кэтрин. – Вам нечего там делать, ведь я еду к своему жениху, – сказала она, вытя-

гивая из-под подушки небольшой медальон, и, раскрыв его, с нежностью взглянула на изображение внутри.

– Ему тут около пятнадцати. Правда, он красив?

Антония взяла из рук девушки протянутый медальон. Она без труда узнала черты Кеннета, хотя сейчас он возмужал, и его лицо уже не было по-детски нежным и очаровательным. Она улыбнулась совершенно невольно.

– Да, красив. Но сейчас ещё больше, чем тут, – она вернула медальон Кэтрин и сдвинула брови.– Леди, у вас удивительная способность сбивать нить разговора. Вы об этом знаете? Вы намерены поехать одна... как бы не так! Вас родители не отпустят.

– Оставьте решать эту проблему мне самой, – сказала Кэтрин и покрыла поцелуями миниатюру с изображением жениха, то ли потому, что очень по нему скучала, то ли чтобы досадить компаньонке.– Я поеду, наконец, в столицу! Увижу Кена и дядюшку Вильяма. Он, наверное, очень волнуется, ведь Кен должен был давно вернуться и рассказать о нас.

– Вы раньше бывали в столице? Интересно, как же это вы будете искать Кеннета? И почему – вы, если причина всему – я? Леди, или вы берёте меня с собой, или я уеду одна, – твёрдо заявила Антония. – Я с ума сойду от неизвестности, если останусь здесь!

Кэтрин оставила свой беззаботный тон и с самым серьёзным видом произнесла.

– Вы не поедете искать Кеннета, потому что мне это неприятно. Вам уже давно надлежало понять, что он выше вас по положению. Он ваш господин, а вы здесь всего лишь его протеже...

– Не нужно мне об этом напоминать, я это знаю. Но, я полагаю, что смогу помочь вам. Вдруг...

– Вы ничем не можете помочь ни мне, ни Кену. Я прошу вас впредь даже не упоминать его имени, раз вы не можете о нём думать без трогательной заботы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.